

2. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

От инвентаризации к интеграции методологического знания

Татарова Галина Галеевна
Институт социологии РАН

В развитии любой системы знаний дифференциация — универсальная тенденция, приводящая с течением времени к возникновению интеграционных тенденций. В преломление к эмпирической социологии отличительная особенность оппозиции *дифференциация–интеграция* заключается в том, что ее можно рассмотреть в двух взаимообусловленных плоскостях, пересекающихся контекстах: состояние методологической культуры проводимых эмпирических исследований – состояние знания. В современных реалиях различные стороны профессиональной жизнедеятельности социологического сообщества являются предметом определенной озабоченности отечественных исследователей. Например, прослеживается в откликах на работу III Всероссийского конгресса¹, в дискуссии о социологии², в перманентном обсуждении состояния теоретического знания³, в оценках социологического сообщества как специфической социальной реальности⁴ с низким уровнем математической культуры⁵, а так же, наоборот, в суждениях о не нужности математики в том виде, в котором она присутствует в поле отечественной науки⁶. Специфические *профессиональные болезни* (само это понятие в указанных публикациях встречается редко) порождают «внутрицеховыми» проблемами, о которых менее приятно рассуждать, чем о *социологическом невежестве* общества и власти.

Профессиональные болезни как серьезный тормоз прироста знания соотносятся одновременно и с состоянием знания, и с состоянием сообщества. Базовый детерминант этих состояний видится в том, что *социолог не успевает за социологией*, что, в свою очередь, является одним из факторов возникновения *методологической травмы*⁷ (это понятие было введено нами для обозначения растерянности исследователей перед обилием социологических теорий, методологий, методов в ситуации принятия решений о выборе инструментальных средств познавательной деятельности). Профессиональные болезни имеет смысл разделить на отдельные группы в зависимости от доминирующих источников возникновения и способов «лечения».

¹ Отклики о работе конгресса // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2009. № 28. С. 169–184.

² Дискуссия о социологии // http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=311

³ Публикаций на эту тему много, особенно на страницах журнала «Социологические исследования»; см., например, *Девятко И.Ф.* Состояние и перспективы социологической теории в мире и в России // Социологические исследования. 2007. № 9. С. 35–37.

⁴ *Тихонов А.В.* Отечественная социология: проблема выхода из состояния преднауки и поиска новых стратегий // Вестник Института социологии. 2010. № 1. С. 203–229; *Радаев В.В.* Возможна ли позитивная программа для российской социологии // Социологические исследования. 2008. № 7. С. 24–33.

⁵ См. например: *Давыдов А.А.* Фатальная ошибка социологии; *Толстова Ю.Н.* «Поиск смыслов» и использование математического аппарата в социологии; *Орлов А.И.* Черная дыра отечественной социологии // http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=311

⁶ Например: *Качанов Ю.В.* Математическая социология: факультет ненужных вещей // http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=311

⁷ *Татарова Г.Г.* Методология эмпирической социологии: амбивалентность факторов развития // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2008. № 27. С. 3–29. *Татарова Г.Г.* Интеграция методологического знания: миф или реальность? // Доклады Всероссийского социологического конгресса «Глобализация и социальные изменения в современной России». Москва, 3–5 октября 2006 г. М.: Альфа-М, 2007. С. 80–98.

Группа 1: мелкоотъемье; неудовлетворительный характер научной коммуникации; дистанцированность от социологических проблем при изучении социальных и, наоборот, от социальных при изучении профессиональных; мода на проблемные поля (по социологии образования было подано на конгресс наибольшее число (137) тезисов)¹; постановка *проблем-искушений* (претензия на глубокие обобщения без соответствующего эмпирического обоснования, мировоззренческая интерпретации результатов локальных исследований) и т.д.

Группа 2: описательный характер существующего теоретического знания; полипарадигмальность как интеллектуальная мода и ее иллюзорность на эмпирическом уровне; слабая связанность в эмпирических исследованиях теоретической объяснительной модели изучаемых социальных процессов с инструментарием (особо наглядны в этом смысле диссертации по социологии, материалы III Всероссийского социологического конгресса и ежегодных конференций посвященных памяти А.О. Крыштановского); потеря смысловой чувствительности понятий (понятийный анархизм) и т.д.

Группа 3: отсутствие методологической толерантности («глухота» исследователей, их фракционность); методологическая травмированность; мода на методы и методологии; уход в локальность и как следствие описание эмпирических закономерностей (качественных или количественных это не столь важно) без глубоких обобщений и ссылкой в одном случае на *мир такой, каким мы его видим*, в другом на *мир такой, каким хочется его видеть*; распространенность логики *кнопочного моделирования*; недоиспользование ресурса проведенных социологических исследований.

Профессиональные болезни — это системные свойства, на уровне вербального поведения (индивидуального, группового) за редким исключением не артикулируются по понятным причинам, но их осмысление важно и особенно для повышения методологической культуры проводимых эмпирических исследований, а также в контексте профессионального социологического образования в России. С одной стороны, социологическое мышление студента должно формироваться (особенно в бакалавриате) на основе целостного представления о структуре социологического знания. С другой стороны, эта цель недостижима, ибо современное социологическое знание — явление сложное и неуловимое в своем единстве. Ситуация достаточно тревожная: низкий уровень подготовки студентов накладывается на недостаток в квалифицированных преподавателях дисциплин методологического профиля и усугубляется недостаточностью литературы учебного характера.

Рефлексия над профессиональными болезнями *не актуализирована*, хотя и существуют определенные мнения по поводу их «лечения». Например, В.А. Ядов² возлагает надежды на талантливую молодежь в изменении качества социологического сообщества и выдаваемого им научного продукта в России. В указанных выше работах А.В. Тихонов, опираясь на результаты массового опроса социологов проведенного до и после III Всероссийского социологического конгресса, предлагает изменить, в частности, характер научной коммуникации на основе актуализации традиционных для отечественной социологии проблематики изучения социальной стратификации и социального неравенства. В.В. Радаев предлагает *позитивную программу борьбы с профессиональными болезнями*, подчеркивая необходимость усилить контроль над качеством научной продукции и повышать профессионализм всех без исключения типов исследователей. Н.С. Розов, указывая на крайне слабый эвристический потенциал социально-гуманитарных наук, возлагает надежду на *инвентаризацию* накопленного (социальных проблем, знаний, данных)³. Высказываются суждения о том, что социологии поможет математизация (А.А. Давыдов, А.И. Орлов), изучение *методной* истории (Ю.Н. Толстова). У каждого автора есть рациональное зерно, но ожидания могут оправдаться лишь в случае, если все усилия, направленные на борьбу с профессиональными болезнями будут *скоординированы*. Без координации вряд ли возможно достичь желаемого результата.

¹ Тихонов А.В. Российское общество как новая социальная реальность и метапроект отечественной социологии // Социологические исследования. 2009. № 12. С. 16–25.

² Ядов В.А. Еще одна реплика в narrative о нашей социологии // http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=311

³ Розов Н.С. Главный дефицит — конструктивные теории как основа для программ сбора и обработки социологических исторических данных // http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=19&id=407

Среди этих процессов имеет смысл выделить и амбивалентный характер факторов развития¹ которой и является причиной *методологической травмированности*. Эвристический потенциал современного знания именно для *типичного социолога* (исследователя проводящего массовые опросы) достаточно низок, если исходить из базовой функции социологии — *причинного объяснения* социальных явлений и процессов.

Для выполнения этой функции необходимы не только теории с высоким объясняющим потенциалом, но и способы их эмпирической верификации. Естественным образом возникают вопросы: привела ли перманентная дифференциация социологии к появлению такого рода теорий? Если такие теории существуют, то, как осуществляется их верификация? Существуют ли теории, которые носят *аксиоматический* характер², и вопрос об их верификации в принципе некорректен? В каком направлении возможно развитие методологического знания для обеспечения адекватными задачам верификации теорий инструментальными средствами? Попытки найти ответы на эти вопросы выводят на проблемы повышения эвристического потенциала накопленного методологического знания и, соответственно, актуализируют рефлексию относительно оппозиции *дифференциация знания – интеграция знания*.

Интеграционные процессы перманентно возникают в различных областях социологии. Они опираются в основном либо на сравнительный анализ социологических теорий, либо на стратегии совмещения теоретических подходов в эмпирическом исследовании, либо на *инвентаризацию* объяснительных моделей какого-то социального феномена. Предпринимаются также попытки систематизировать теоретическое знание как целостность. Интеграционные процессы, связанные с инструментальной частью социологии (что относить к этой части — вопрос, требующий специальной дискуссии и *конвенциональных решений*), носят в основном характер *инвентаризации*³ (накопление моделей, методов, методик, данных). Инвентаризация — необходимое, но не достаточное условие для интеграции знаний. Прежде чем предложить трактовку самого концепта «интеграция методологического знания», обратимся к актуальным в *четырёх-эмной* области, но *не актуализированным* в нашем сообществе (и не только в нем, если судить по материалам XVII-го конгресса ISA, прошедшего в июле 2010 года в Швеции) вопросам. Попробуем поставить несколько из них.

- Можно ли ввести, достаточно конструктивные для инвентаризации знания основания классификации инструментальных средств социологического познания?
- Есть ли понятия-инварианты, применимые к различным классам исследовательских практик?
- Необходимо ли рефлексивное отношение к базовым понятиям, включая расширительную трактовку одних (например, *социологическую репрезентативность* понимать не только в традиционном статистическом смысле), сужение других и возврат к «старым» понятиям (причинное объяснение, язык социологического исследования и др.)?
- Возможно ли взаимопроникновение понятий из разных методологий (система, модель, многомерность, многоуровневое кодирование, исследовательская практика, нечисловая математика и т.д.)?
- Имеет ли смысл в современных реалиях представление о структуре «языка социологического исследования» как о системе рядоположенных и вложенных друг в друга подсистем? Здесь речь идет о логической цепочке вопросов: *что изучать? для достижения каких целей изучать? где и при каких условиях изучать? с помощью каких средств изучать?*. Эти вопросы создают архитектуру исследования. От того, в какой последовательности они ставятся, зависит тип социологического исследования.
- Возможна ли интеграция знания параллельно на различных полях *четырёх-эмной* области?

¹ См. цит. выше работы Г.Г. Татаровой.

² Трудно не согласиться с мнением В.В. Радаева о необходимости и возможности *аксиоматизации* в социологии.

³ Розов Н.С. Возможна ли «наука быстрых открытий» в социальном познании // http://www.isras.ru/index.php?page_id=948; Розов Н.С. Главный дефицит — конструктивные теории как основа для программ сбора и обработки социологических исторических данных // http://www.ssa-rs.ru/index.php?page_id=19&id=407

На все эти вопросы можно дать утвердительные ответы. Нами были предприняты попытки ввести некоторые принципы интеграции методологического знания, как системы инструментальных средств познавательной деятельности социолога. Остановимся для примера на одном из принципов, связанном с понятием «метод». Как известно, под методами социологического исследования понимается совокупность способов, средств познавательной деятельности, направленных на описание, объяснение и прогнозирование изучаемых социальных феноменов (явлений, объектов, процессов) или фрагментов социальной реальности в контекстах ее существования или конструирования людьми. В рамках отдельного исследования эта совокупность средств регулирует процесс социологического познания, определяет архитектуру исследования и является составной частью его методологии. В эмпирических исследованиях, как известно, — это совокупность средств формирования инструментария исследования, сбора, измерения, математического анализа и интерпретации данных.

В социологии используется широкий диапазон методов, включая *методы* общенаучного характера, междисциплинарного и собственно социологические. В роли методов выступают и теоретические модели объяснения социальных феноменов, и методические средства их изучения. *Методы* различаются в зависимости от уровня их абстрактности, степени формализованности, роли и места в процессе исследования и т.д. Например, традиционным для эмпирической социологии является выделение интервью, наблюдения и анализа документов как базовых социологических методов (хотя они и носят междисциплинарный характер).

Универсальной *классификации методов* не существует в силу специфики социологического знания. Вместе с тем возможны классификации по разным основаниям. Например, в зависимости от этапов эмпирического исследования методы подразделяются на те, которые применяются на этапах концептуализации, сбора эмпирических данных, их анализа. В качестве оснований для классификации могут выступать характер объяснительных моделей, источники языковых конструктов социологического исследования, *форматы* существования социологических данных и т.д. Классификацией, приближенной к универсальной, является та, когда совокупность *методов* интерпретируется как целостность, система, структура которой определяется *источниками языковых конструктов* социологического исследования. В силу того, что проблематика методов непосредственно связана с концептом *язык социологического исследования* (понятийный аппарат и логика его использования), это основание целесообразно на этапе планирования исследования и потому носит *эвристический* характер.

Структуру *языка* любого исследования можно связать с выделением горизонтального и вертикального строения понятийного аппарата, с соотношением концептуальных и операциональных переменных, где под переменной понимается любое средство, с помощью которого проводятся различия между объектами наблюдения. Возможно и основание, опирающееся на трактовку *языка*, как системы вложенных и рядоположенных подсистем языковых конструктов. Источником отдельной подсистемы является вполне определенный класс методов¹. Предложенная нами классификация не является жесткой схемой. Во-первых, каждый отдельный класс может быть разделен на отдельные подклассы. Во-вторых, один и тот же метод может быть отнесен одновременно к разным классам (например, ранжирование является процедурой и анализа данных, и измерения).

Такая классификация не является самоцелью, она важна как инструмент для изучения взаимосвязей методов как в вертикальном (между методами разных классов), так и горизонтальном срезе (в рамках одной класса). Особый смысл имеет рефлексия взаимообусловленности методов на трех уровнях (макро-, мезо- и микро-) рассмотрения. К *микроуровню* относим взаимосвязи внутри класса, например, методов сбора эмпирических данных, методов анализа данных. На *макроуровне*, по-видимому, должна анализироваться взаимообусловленность всех классов методов. Практически это возможно лишь для отдельных видов вертикальных связей. *Мезоуровень* — это также вертикальные связи за исключением методов одного из классов, к которому мы отнесли *теоретические модели, логические схемы концептуализации* социальных феноме-

¹ См., например: Татарова Г.Г. Методы социологического исследования // Социологический словарь. М.: НОРМА, 2008. С. 255–256.

нов (метод Бэкона, метод Дюркгейма, метод Вебера, метод Бурдьё и т.д.). Употребление понятия *метод* здесь весьма условно и служит для обозначения языковой и логической структур используемой в отдельных исследованиях теории. Этот класс в отличие от других составлен из сугубо социологических методов, *методологических инструментов* социолога. К нему можно отнести и метод идеальных типов Вебера, ставший общенаучным средством познания, и теоретические модели объяснения социальных феноменов в специальных социологических теориях. Логическая схема Дюркгейма по выявлению причинно-следственных отношений в исследовании феномена самоубийства — пример такой модели. *Содержательные* теории исчезают, а методологии остаются в виде логических схем, когнитивных карт.

Изучение взаимообусловленности методов на трех уровнях (макро-, мезо- и микро-) рассмотрения есть лишь одно из оснований для интеграции методологического знания. В целом целесообразно исходить из такого рабочего определения *интеграции методологического знания*, которое подразумевает:

- 1) инвентаризацию накопленного (концептуальных моделей, методов, техник, методик);
- 2) переосмысление накопленных знаний с целью их двустороннего перевода с языка одной *социологической методологии* на язык другой;
- 3) упорядочение знаний по новым основаниям и введение в научный оборот новых аксиоматических положений (*конвенционального характера*) относительно базовых понятий и средств познавательной деятельности (например, что называть методом, методологией, и т.д.);
- 4) экспликацию и реинтерпретацию базовых языковых конструкторов социолога (язык социологического исследования, социологическая репрезентативность, формат социологических данных, тип социологического исследования и т.д.);
- 5) введение новых понятий (например, восходящая и нисходящая стратегии анализа данных, классификация исследовательских практик анализа данных, метаметодика анализа данных¹ и т.д.) и возврат к «старым» понятиям на основе изучения истории «методной» проблематики;
- 6) переосмысление условий возникновения *математической социологии*, как особой научной дисциплины.

В заключение отметим, что интеграция знания, понимаемая одновременно и как инвентаризация, и как упорядочение, и как экспликация базовых категорий позволит улучшить условия «проживания» социологического сообщества.

Специфика качественных и количественных подходов: о пользе теоретического видения

Божков Олег Борисович,
СИ РАН, Санкт-Петербург

В последние годы очень популярна дискуссия о так называемых качественных и количественных методах (подходах, исследованиях, парадигмах — все это сплошь и рядом употребляется как синонимы). Именно эти понятия, на мой взгляд, требуют уточнения. Не будем рассматривать «качество» и «количество» как философские категории. Здесь, казалось бы, все ясно, существует море философской литературы. Остановимся на бытовании этих понятий в современной социологии и, и попытаемся понять, о чем идет речь. Прежде всего, что мы называем с помощью этих слов?

Совершенно бессмысленно разделять **научные парадигмы** на качественные и количественные. Хотя бы потому, что парадигма — это общая модель науки, «включающая общепризнанные в данной науке представления о том, какими должны быть общие подходы, теории, методы исследования и элементы мировоззрения (называемые иногда мифологией науки)»². Кроме то-

¹ Интерпретация процедуры типологизации как метаметодики анализа данных приводится в работе: Татарова Г.Г. Основы типологического анализа в социологических исследованиях. М.: ИД «Высшее образование и наука», 2007.

² Чеснокова В.Ф. Язык социологии. Курс лекций. М.: ОГИ, 2010. С. 7.

го, я абсолютно согласен с А.Б. Гофманом, который говорит о том, что не может в науке одновременно сосуществовать множество парадигм¹.

Столь же бессмысленно делить **исследования** на количественные и качественные, хотя бы по той причине, что в любом исследовании никуда не деться от качественной определенности объекта и предмета, от качественной определенности переменных, которые в нем используются: в числе последних могут быть такие, которые легко поддаются количественной оценке и счету, но есть и такие, которые нельзя представить количественно.

Не столь категорично, но могу сказать, что и применительно к **методам** (особенно к методам сбора первичной информации) использование оценок «качественный» и «количественный» вряд ли несет какую-либо пользу.

С определенной осторожностью, на мой взгляд (который я не хочу никому навязывать), допустимо говорить о качественном и количественном подходах к исследованию. Потому, что «подход» включает в себя определенные методологические и методические принципы и нормы. И уж совершенно уверенно следует различать качественные и количественные **данные**, качественную и количественную **исходную (первичную) информацию**, которую получает социолог в ходе исследования.

Количественными данными будем называть исходную информацию, которая приведена к форме удобной для счета. А это такая информация, которая фиксируется в виде шкал, хотя бы номинальных или ранговых. Стоит напомнить, что эти типы шкал, по сути своей, качественные, описательные, а не измерительные. Таким образом, количественные данные специально проектируются исследователем на стадии разработки исследования. Движение этого конструирования имеет направление от понятия (концепта) к его эмпирическим референтам (эмпирическим индикаторам). Важный элемент этого движения — операционализация понятий. Естественно, за качественную определенность и корректность реализации этих процедур полную ответственность несет сам исследователь. Как правило, количественные данные содержатся в форме анкетных опросов или стандартизованных интервью, в ходе которых всем респондентам предъявляются одни и те же вопросы с единообразными вариантами ответов. Это и обеспечивает возможность счета и проверки статистических гипотез.

Качественными данными будем называть исходную информацию, которая (в силу разных причин) не может быть простыми способами приведена к форме удобной для счета. Типичным примером качественных данных являются ответы на открытые вопросы, материалы глубоких интервью, фокус групп, а также разнообразные личные документы. Трудность формализации здесь обусловлена тем, что об одном и том же разные респонденты говорят «разными словами»; на одну и ту же формулировку вопроса разные респонденты реагируют по-разному; а в личных документах каждый говорит (точнее, пишет) о своем, так что даже предметы описаний оказываются, подчас, совершенно различными.

Таким образом, качественные данные являются «сырыми» данными, которые требуют серьезной предварительной подготовки к анализу. Движение этой подготовки: от конкретных фактов, описаний к понятиям (концептам). Или, иначе, от эмпирических референтов к концептам, то есть концептуализация эмпирических данных.

Количественные данные — продукт уже на предварительной стадии исследования подготовленный к тому, чтобы их можно было «обсчитать». Этот тип данных не только допускает, но требует выдвижение статистических гипотез и их (статистической же) проверки.

Тогда как качественные данные еще необходимо подготовить к этому. Например, закодировать, что само по себе отнюдь не просто. Эти различия, действительно, на поверхности.

Но есть и более глубокие различия, которые обнаруживаются на методологическом и мировоззренческом уровнях. Прежде всего, это представление о респонденте и отношении к нему. Так сложилось, что количественные данные (исследования, походы) ассоциируются с традиционной позитивистской («объективной») социологией. Тогда как качественные исследования считаются ориентированными на человека и ассоциируются с постмодернистской традицией.

¹ Гофман А.Б. О теоретической социологии в России и за ее пределами // URL: [http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=19&id=431]

При этом многие авторы обращают внимание на то, что невозможно выработать такие приемы анализа качественных данных, которые годились бы к разным текстам и разным исследовательским ситуациям, ибо каждый случай уникален. Поэтому особое внимание уделяется обоснованию интерпретаций и различным способам «триангуляции», т.е. проверки и перепроверки интерпретаций¹.

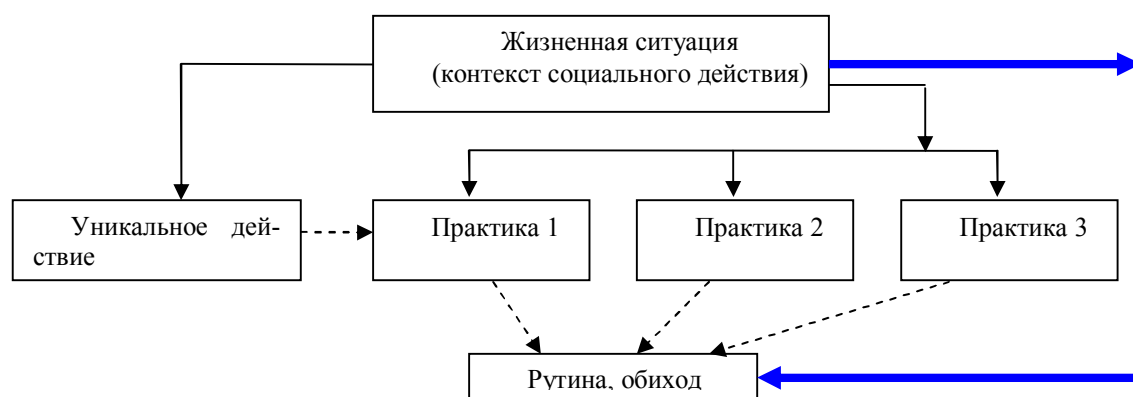
Однако научный подход к явлениям действительности как раз требует четкого определения понятий, воспроизводимости и устойчивости аналитических приемов и процедур. И, как ни крути, без обобщенного теоретического взгляда и в случае с качественными данными никак не обойтись. Конечно, интуитивно каждый исследователь вроде бы знает, что он хочет найти в качественных данных, но не всегда может это интуитивное понимание ясно артикулировать. А это очень важно.

Есть такие картинки, на которых изображены вроде бы деревья и кусты, и от смотрящего требуется найти на этой картинке пятерых мальчиков (или белочек). И формулировка самого задания — найти именно мальчиков — помогает решить эту задачу. Так и с качественными данными, задание должно быть ясно эксплицировано. Но и этого мало, необходим определенный концептуальный взгляд на исходный материал.

Пример концептуализации «повседневных практик». Биографические повествования определенно могут быть квалифицированы как качественные. Основная идея проекта — получить описания жизненных стратегий в ситуации кардинальных общественных перемен («перестройки»). Стоит заметить, что для подавляющего большинства советских людей перестройка оказалась чисто объективным фактором, независимым от их воли и сознания.

Исследовательская задача состояла в том, чтобы выявить механизмы формирования жизненной стратегии и конкретных социальных практик, согласованных с этими стратегиями. Конкретизация этой задачи потребовала определенной понятийной работы. В частности, оказалось необходимым уточнить понятие практики (или практик), которое прочно вошло в научный дискурс социологии, а также ряд сопутствующих ему понятий: «жизненная ситуация», «событие», «рутина», «обиход» и т.д. Потребовалось не только уточнить содержание этих понятий, но также прояснить взаимосвязи между ними. А это, если угодно, уже некоторые элементы теоретического взгляда на исследовательскую проблему.

Конкретизируем это понятие: **практика — способ освоения (приспособления, адаптации к) актуальных условий жизни или же способ «обхода» (уклонения) от них, или же способ изменения этих условий.** В самом общем виде механизм формирования практик можно схематически отобразить следующим образом²:

¹ Обзор видов триангуляции см.: Штейнберг И., Шанин Т. и др. Качественные методы. Полевые социологические исследования: СПб.: Алетей, 2009. С. 316; Божков О.Б. Биографический фонд: методологические проблемы социологического анализа // Петербургская социология сегодня. Сборник научных трудов Социологического института РАН. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 108–110.

² Подробнее см.: Божков О.Б. Возможности социальных изменений: о применении теории практик // Петербургская социология сегодня. Сборник научных трудов Социологического института РАН. СПб.: Нестор-История, 2010.

Взяв за основу две известные характеристики — (1) ориентацию практик на сохранение status quo или на изменение (восприятие условий) и 2) характер доминирующих средств: традиционные или инновационные¹ (выбор средств) — построим простую типологию.

Типология повседневных практик²

	Традиционные практики	Инновационные практики
Приспособительные практики (сохранение)	<i>Простое воспроизводство «выживание»</i>	<i>Трансформация</i>
Мобилизационные практики (достижение)	<i>Расширенное воспроизводство</i>	<i>«Прорыв»</i>

Кроме того, практики могут быть квалифицированы, как социально неприемлемые (асоциальные), противоречащие нормам общежития, нейтральные или социально поощряемые.

Заметим, что предложенная типология (классификация) не содержит, ни оценочных суждений, ни морализаторства. Практики, ориентированные на сохранение (можно было бы их называть консервативными), ничем не хуже и не лучше практик, ориентированных на достижение и на мобилизацию. Важны и необходимы и те, и другие.

В результате концептуального анализа можно выделить ряд существенных признаков (характеристик) практик. А именно: возможность передачи найденных способов поведения другим людям; более или менее точное их воспроизведение, как самим «автором», так и его последователями; неременное осмысление, составляющей данную практику цепочки действий. Это, последнее, существенно отличает «практики» от рутины и обихода, которые не рефлексированы, но осуществляются стереотипно и, подчас, рефлексивно.

Эта относительно простая теоретическая конструкция (определение понятия, типология практик, ключевые признаки, отличающие практики от рутины и обихода) оказывается достаточно надежным **инструментом идентификации** описания в биографических текстах **практик** от других форм поведения.

Таким образом, при анализе качественных данных вовсе не следует целиком освобождаться от старого «теоретического багажа», напротив, очень полезно заняться именно теоретической работой с понятиями, например. Из «сырой эмпирии», из непосредственных наблюдений никакой теории построить невозможно, т.к. и сама эмпирия, и используемый при анализе инструмент должны базироваться на определенном теоретическом осмыслении и обосновании.

Синергетическая теория элит и ресурсный подход к исследованию российской реальности

Васильева Леся Николаевна,
*Московский государственный университет
путей сообщения (МИИТ)*

Введение

Элитология, как определенное направление развития политологической мысли, давно уже превратилась в сформировавшуюся дисциплину. Ее можно сравнить с бурно разросшимся деревом, ствол которого образуют, конечно, классические теории В. Парето, Г. Моски и Р. Михельса. Одно краткое перечисление всех направлений и методологических подходов заняло бы не одну страницу³. Синергетика, как «философия нестабильности» (по выражению И.Р. Пригожина), предоставляет новые возможности описания всего того, что связано с областью исследования гуманитарных дисциплин, в том числе социологии и политологии. Теория элит, как теория, позаимствовавшая из биологии термин «элита», получает новый методологи-

¹ Под «традиционными» в данном контексте будем понимать привычные для человека и общепринятые действия. «Инновационными» будем называть такие действия, которым человек научается от других или «изобретает» самостоятельно, т.е. необычные для него.

² Здесь нет претензии на исключительную корректность названий типов. Над этим еще нужно поработать.

³ Фундаментальная разработка этой темы представлена в следующих работах: Ашин Г.К., Охотский Е.В. Курс элитологии. М., 1999; Ашин Г.К. Элитология в системе общественных наук // ОНС. 2003. № 4 и др.

ческий инструментарий, используя термины, пришедшие ей на помощь из неравновесной физики. В этом смысле *синергетический подход теории элит* естественным образом дополняет все, уже имеющиеся и ставшие традиционными, подходы. Эта статья представляет собой попытку анализа современной политической ситуации в России с позиций данного подхода.

В последнее время, наряду с традиционными подходами к социальной стратификации, активно заявляет о себе *ресурсный подход*¹. Ресурсный подход позволяет внутренне непротиворечиво объяснить причины социального неравенства между различными социальными группами. Место человека в системе стратификации такого типа принципиально различается в зависимости от того, каковы структура и объем его активов.

Элита и эрзац-элита как субъектообразующие группы

Единого представления о субъекте социального развития нет. Субъектов можно выделять не только по видимому положению социальной группы в обществе (например, по отношению к средствам производства либо распределению материальных благ). Отличительным признаком субъекта может выступать *мировоззренческая позиция и тип сознания*.

Любая общественная система — это система, получающая информацию из внешней среды и использующая ее внутри себя. Поскольку любая группа состоит из отдельных индивидов, *особенности получения и использования ими информации* является основным признаком субъекта эволюционного (исторического) процесса. В более привычных терминах социологии это и будет мировоззренческая позиция и тип сознания. Здесь можно провести аналогию с утверждением П. Лазарсфельда о существовании некоторой *скрытой характеристики*, присущей индивидам. Исходя из этих критериев, можно выделить два основных типа людей, в наибольшей степени влияющих на ход социально-эволюционного процесса. Каждый из этих типов образует сетевые структуры, пронизывающие все общество и равно присущие любой исторической формации (нации, этносу и т.п.). Что касается процессов эволюционных, они позволяют реализовываться двум классам механизмов развития, которые выделяет синергетика — *адаптационным и бифуркационным*.

Эти субъекты социально-эволюционного процесса — *элита и эрзац-элита*. Их представители — не отдельная страта, а личности, находящиеся на всех уровнях иерархии социальной пирамиды. Критерий «информации» позволяет обосновать личностные качества людей, составляющих эти типы социальных общностей, и характер их социальных действий. Представители *элиты* обладают *когнитивной сложностью мышления, высокой вариативностью поведения и характером установки*, позволяющим приносить социуму, к которому они относятся, максимальную пользу. *Эрзац-элита* имеет некоторые общие свойства с элитой. Однако у ее представителей отсутствует повышенная вариативность поведения. Характер их ценностных ориентаций направлен сугубо на удовлетворение личных интересов, не считаясь с общественной пользой. Наличие этих качеств, при *повышенной способности к социальной адаптации*, делает эрзац-элилу неполноценным заменителем элиты, ее социальным *антиподом*.

Элита и эрзац-элита выполняют определенные функции. В процессе эволюции социальные системы подвергаются действию механизмов, реализующих либо *сверхспециализацию*, либо *универсализацию* средств решения возникающих задач. Представители эрзац-элиты преобразуют *уникальные и специфические* воздействия элиты в *повторяющиеся и всеобщие*².

Элита предлагает и развивает те социальные механизмы, которые носят всеобщий характер, уравнивая всех членов социума в возможностях по реализации своих способностей. При помощи *сетей социальной параллельности*³ эти социальные механизмы распространяются и утверждаются в данном социальном пространстве. *Эрзац-элита* вводит социальные механизмы,

¹ Более подробно об истории формирования и теоретических основаниях этого подхода см.: Тихонова Н.Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Социологические исследования. 2006. № 9.

² Подробнее см.: Васильева Л.Н. Теория элит (синергетический подход) // ОНС. 2005. № 4.

³ Подробнее см.: Васильева Л.Н. Элита и эрзац-элита в социальной эволюции // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 6.

удобные для удовлетворения своих сугубо личных интересов за счет нещадной эксплуатации ресурсов общества, невзирая на его состояние в целом.

Однако эксплуатация других людей редко происходит только лишь с применением крайних форм насилия. Здесь трудно недооценить колоссальную важность идеологического обоснования того, почему определенным лицам и группам «положены» льготы, привилегии, львиная доля собственности и доходов. Необходимая для этого идеология подобна дымовой завесе, которая скрывает истинный смысл происходящего. Такая идеология апеллирует к *вере* в идеалы, к общезначимым *ценностям*, замещая и подменяя понятия. Она мешает рациональному осмыслению опыта путем ограничения информации. Возникает явление, которое можно назвать *социальным фантомом*.

Социальный фантом — это система иррациональных представлений, которая сознательно внедряется эрзац-элитой в массовое сознание и предназначена оправдать злокачественные критерии социальной дифференциации, а также доказать практическую пригодность нежизнеспособных политических и экономических моделей к реальности. Социальный фантом является неизбежным результатом деятельности эрзац-элиты в политической сфере, интегрируя и мобилизуя социум для выполнения ложных целей социального развития.

Принцип избирательности получаемой информации является фундаментальным принципом познания. Те модели социальной реальности, которые каждый индивид строит для себя, включают лишь часть свойств этой реальности. Процесс выделения значимой информации и отчуждение «информационного шума» создает возможности для манипуляции в отношении воспринимаемых сознанием фактов. Критерии отбора фактов общественной жизни очень часто относятся не к рациональной, а к социальной и идеологической сферам. Акт символического внушения наиболее успешно осуществляется тогда, когда он совершается через лица, обладающие легитимным «правом на доверие», т.е. лица, выступающие носителями политической власти. Поэтому такие лица (или группы) с неизбежностью, по логике развития событий, оказываются перед необходимостью *институционализации* своих статусов и ролей, приведения их в систему. Происходит замена спонтанного, хаотичного поведения на более предсказуемое, которое выстраивается, моделируется и регулируется на рациональном уровне.

Социальное деление и социальное восприятие этого деления есть продукт истории, но за этими явлениями всегда стоят действия конкретных людей. Эрзац-элита, в силу личностных качеств ее представителей, в политическом пространстве представляет собой мобилизованную группу, обладающую сплоченностью на уровне социальных инстинктов, четко осознаваемых представлений о желаемых позициях и групповых интересах. Повышенная способность представителей эрзац-элиты к *социальной адаптации* наделяет их очень «ценным» качеством. Они легко заставляют «здоровый смысл» работать на себя, присваивая себе идеи и смыслы, ценностно значимые для любой социальной группы. Сиюминутная выгода, на которую нацелена эрзац-элита, всегда ощущимей стратегических, долговременных интересов. Поэтому представители эрзац-элиты легко оказываются в критических ситуациях «лидерами мнений».

Ресурсный подход позволяет на уровне других методологических обобщений обосновать особенности социального поведения элиты и эрзац-элиты, как людей, обладающих противоположными по характеру реализации и содержанию *символическим, личностным и культурным* ресурсами.

Символический, личностный ресурсы поддаются оценке достаточно сложно. Но каждая личность стремится объединиться с себе подобными для удовлетворения собственных потребностей и на основании определенной мотивации (характера установки). Например, трудовая мотивация выходит за чисто экономические рамки, работа содержит в себе не только внешний экономический элемент, но и неосозаемый духовный. Объединяясь в группы и классы, люди демонстрируют общее коллективное сознание таких объединений, выражающее представления о допустимом, возможном и желательном. То есть, они имеют в своих головах те мыслительные конструкции, исповедуют те ценности, которые затем в процессе материальной деятельности становятся, по выражению П. Сорокина, «миром воплощенных понятий».

В процессе исторического развития, практически в любом государстве, значительные преимущества в плане консолидации на основе общности интересов получает слой чиновников-

управленцев. Политическая структура государства помогает уже изначально организованному слою государственной бюрократии, выполняющему административно-идеологические функции, упрочить свое объективно привилегированное положение. Например, исследуя динамику социальной мобильности в советском обществе, Л.Б. Косова отмечает следующее: «Определяющей характеристикой советского общества был жесткий бюрократический контроль за каналами вертикальной мобильности»¹.

Применяя *ресурсный подход в теории элит*, можно сформулировать важнейший вывод: социальное неравенство при злокачественных фильтрах социальной мобильности определяется далеко не только той разницей в обладании ресурсами, которая является «объективной» (т.е. зависит от уровня квалификации, образования и прочих показателей доброкачественных социальных «фильтров»). Ресурсный подход позволяет внутренне непротиворечиво объяснить причины социального неравенства между различными социальными группами. Место человека в системе стратификации такого типа принципиально различается в зависимости от того, каковы структура и объем его активов.

Чрезвычайно важным для нашего исследования представляется следующий вывод Н.Е. Тихоновой: «В современной России различные виды капитала концентрируются хотя и в разных комбинациях, но в основном у одних и тех же людей. Эти люди, сосредотачивая и воплощая в себе все значимые в современных условиях виды ресурсов, конвертируемых друг в друга и в традиционный экономический капитал, имеют благодаря этому возможность занимать господствующее положение в обществе. И именно в этом, а не в наличии у них собственного бизнеса, состоит специфика их классовых позиций»².

Особенности социальной стратификации российского общества

При анализе социальной стратификации российского общества с использованием «ресурсного подхода» нам представляется наиболее важными следующие выводы:

1) несмотря на то, что уровень жизни прямо зависит от общего объема имеющихся ресурсов (в том числе «неэкономических»), общий уровень ресурсообеспеченности населения России довольно низок³;

2) если говорить об общей структуре российского общества по критерию ресурсообеспеченности, то около 60 % населения обладают таким объемом ресурсов, когда они не могут рассматриваться как актив. У 7–8 % ресурсы безусловно достигают качества капитала⁴;

3) процесс первоначального накопления капитала прошел в России в форме бурной конвертации различных видов ресурсов друг в друга с формированием новых господствующих классов на базе высокоресурсных групп бывшего советского общества⁵.

Социальная структура общества зависит от характера производства и распределения производимых товаров и услуг. Как отмечает Н.Е. Тихонова, «крупный капитал практически всегда предполагает в российских условиях наличие значимого властного ресурса. ...Тем не менее, сам по себе властный ресурс приносит ощутимые экономические дивиденды, и дополнительные ренты на данный актив возникают не на всех статусных позициях, характеризующихся властным ресурсом, а только на части из них, занять которые, видимо, может не каждый»⁶.

Эрзац-элита во власти обладает таким свойством как внутригрупповая *солидарность*. В результате внешне хаотичной, скрытой, но целенаправленной работы, ее представители оказываются обладателями наиболее дефицитных ресурсов, позволяющих перераспределять доходы в масштабах всего государства. Эрзац-элита в определенные периоды развития общества представляет собой в социальном плане наиболее приспособленную группу. Однако критерии этого приспособления заключают в себе для общества большую опасность, если рассматривать поли-

¹ Косова Л.Б. Социальная мобильность: анализ динамики на основе данных массовых опросов // Материалы III Всероссийского социологического конгресса (Москва, 21-24 октября 2008 г.).

² Тихонова Н.Е. Социальная стратификация в современной России. М.: ИС РАН, 2007. С. 293.

³ Тихонова Н.Е. Социальная стратификация... С. 255.

⁴ Тихонова Н.Е. Социальная стратификация... С. 267.

⁵ Тихонова Н.Е. Социальная стратификация... С. 291.

⁶ Тихонова Н.Е. Социальная стратификация... С. 260.

тические и экономические процессы в динамике. Представители эрзац-элиты, даже если каждый из них сам по себе является умным, образованным, квалифицированным индивидом, свои отношения друг с другом и обществом всегда строят на уровне максимального упрощения культурных норм. Они «опускают планку» культурных стандартов, поскольку при любых социальных условиях поиск личной выгоды любой ценой приводит, независимо от первоначальных намерений, к предсказуемому результату.

Не всякий человек способен рассматривать, например, преступную деятельность как сугубо экономическую, т.е. приносящую прибыль и потому совершенно естественную. Когда временное отсутствие правил сменяется, в силу законов самоорганизации, какими-то определенными правилами, любая деятельность выступает как предметное отражение нравственности или ее отсутствия. В меняющейся культурной среде, когда нормы социальных взаимодействий еще не сложились, способность нарушать нормы, не забывая о собственных интересах, в конце концов, позволяет эрзац-элите сосредоточить в своих руках наиболее дефицитные ресурсы. Все прочее население рассматривается представителями эрзац-элиты как *«материал», предназначенный к простому физическому воспроизводству.*

Эрзац-элита будет вводить и распространять такие социальные механизмы, которые подавляющую часть общества переведут в категорию людей, обладающих низкой ресурсообеспеченностью. Эти люди будут не только объектом разнообразной эксплуатации, но и не будут иметь никаких социальных шансов на переход в другое качество, на повышение собственной статусной позиции в результате реализации собственных способностей и личной инициативы.

Такая социальная деятельность, безусловно, нуждается в легитимации устанавливаемых эрзац-элитой норм. На практике это означает реализацию следующих *целей: институционализация* положения эрзац-элитой властного ресурса; *идеологическое обоснование* своего господства и существующего социального неравенства.

В силу присущей эрзац-элите способности к социальной мимикрии, она использует для этих целей, как наиболее удобные, *коллективистские идеологии*¹. Для этих целей могут также служить самые прогрессивные общественные институты, если, используя всю мощь и возможности политической власти, исказить и выхолащивать их смысл. Например, демократия как реализация интересов большинства, может выродиться в уравнилельное распределение дохода под «надзором» государственной бюрократии. А это всегда, рано или поздно, приводит к мнимому «равенству» в нищете.

Питирим Сорокин писал: «Исторически конкретные формы институтов селекции и распределения... такая же неотъемлемая часть социального агрегата, как органы, контролирующие систему кровообращения в сложном биологическом организме»². Общественный организм, которым начинает руководить эрзац-элита, становится «большим», поскольку система его «кровообращения» нарушается. Неизбежные последствия заполнения представителями эрзац-элиты высших политических позиций — *это жесткий бюрократический контроль каналов вертикальной мобильности, придание ей неэффективного и злокачественного характера.* Богатые будут становиться богаче, но те классы и группы населения, которые могут рассматриваться как «догоняющие», приближаться к ним не будут. Низкую ресурсообеспеченность будет иметь подавляющее большинство населения. При этом оно же объективно будет рассматривать свои возможности в изменении собственных социальных позиций как крайне слабые. Крайняя неудовлетворенность таким положением вещей не может не проявлять, пусть даже и подсознательно. Осознаваемая или неосознанная неудовлетворенность будет составлять тот фон общественного сознания, на котором ощущение личностной обделенности и пессимизма будет служить благодатной почвой для растущей агрессии, ксенофобии, мнимой «державности». К сожалению, эту устойчивую картину демонстрируют результаты многочисленных социологических опросов последних лет.

¹ Подробнее о механизме такого приспособления см.: Васильева Л.Н. Элита или эрзац-элита: наше политическое будущее // ОНС. 2007. № 1.

² Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 423.

Ресурсный подход позволяет проанализировать те скрытые механизмы, которые работают, в том числе, не на рациональном уровне, а на уровне подсознательно формируемого поведения. Как отмечает Н.Е. Тихонова: «Классы при таком подходе оказываются социальными группами, представители которых имеют однотипные по объему и структуре активы»¹. Можно уточнить, что механизмы, действующие в «теневой» среде российской экономики выполняют, однако, четко прослеживаемую функцию. Они облегчают определенной категории лиц *доступ к активам, способным генерировать ренты*.

Э. Соренсен, внесший заметный вклад в формирование ресурсного подхода в исследованиях стратификации, отмечает, что существует два главных понимания класса: класс «как условие жизни» и класс «как следствие эксплуатации». Эксплуатирующий класс у Соренсена — это совокупность структурных позиций, обеспечивающие права на активы, создающие ренту².

Эрзац-элита — это та социальная группа, которая стремится к утверждению своего монопольного положения по отношению к процессам распределения и перераспределения производимых товаров и услуг. Что касается состояния современной российской экономики и стратификационной структуры российского общества, можно утверждать, что *колоссальный дисбаланс в активах населения — это результат деятельности эрзац-элиты, плотно занявшей ключевые позиции в структурах государственной власти*. Именно поэтому нашей действительностью стала социальная политика, постоянно понижающая уровень запросов к качеству среды. Вместо установки на изменение жизненных (а значит, и стратификационных) позиций, властью активно насаждалась идеология потребления, основанного на безоглядном растрачивании ресурсов.

Политика и экономика

Две основные задачи научного анализа социально-политической ситуации — понять, *что происходит* и как решить проблему. Мы определили главные моменты структурирования общества таким образом: *во-первых*, это *социальный уклад*, т.е. постоянная во времени и пространстве социальная практика по координации знаний, навыков и умений всех членов общества. *Во-вторых*, это институционализация социальных отношений, определяемых *на уровне самоорганизации*, в экономических и политических структурах. *В-третьих*, одна из важнейших составляющих, *роль государства*, реализующего определенные функции сформировавшихся социальных институтов. Эти функции могут склоняться к двум крайним полюсам — *защита интересов эксплуатирующего класса* или развитие общественной системы — в том смысле, когда утверждаются и отстаиваются государственные интересы *как максимальное выражение интересов всего общества и каждого гражданина*.

Сравнивая кризисное состояние общественных систем в нашей стране и в США времен Великой депрессии, можно констатировать, что мы находимся в намного более страшном положении. Дело не только в том, что в США был кризис перепроизводства, а наша «экономика» — это безоглядное и бездарное растранивание природных богатств. По некоторым оценкам только 37 % от работоспособного населения России производит какой-то прибавочный продукт³. Добавим сюда уже упоминавшиеся цифры о 60 % населения с крайне низким объемом ресурсов, которые не могут рассматриваться как активы. Существует также тяжелейшая проблема крайне неравномерного развития немногочисленных «центров» и регионов. В результате мы получаем социальную среду в том депрессивном состоянии, когда она способна значимо реагировать только на самые сильные раздражители, соизмеримые, например, с прямой угрозой жизни. И поскольку с каждой единицей времени масштаб и сложность накапливаемых проблем растет, соответственно увеличивается и масштаб непопулярности тех решений, которые должны будут приниматься.

¹ Тихонова Н.Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М.: ИС РАН, 2007. С. 222.

² Подробнее см.: Sorensen A.B. Toward a Sounder Basis for Class Analysis // British Journal of Sociology. 2000. Vol. 105. № 6. P. 1523–1558.

³ Прозвучало в выступлении Ф.Э. Шереги на Всероссийской социологической конференции «Образование и общество», Москва, 2009.

Восприятие человеком окружающей действительности носит во многом символический характер, поскольку в любом обществе каждый из его членов — это потребитель определенных мировоззренческих моделей. Одна из колоссальных проблем для нашей страны состоит в том, что в общественном сознании укоренились исторические мифы не только не имеющие ничего общего с действительностью, но и препятствующие той кардинальной перестройке образа мыслей, без которой невозможно никакое кардинальное политическое реформирование. Как нация, мы давно потеряли ту преемственность между поколениями, которая позволяет продолжать начатое, а не «разрушать до основания, а затем...».

В свое время большевики под руководством В. Ленина создали со всей силой взятой административной власти государство в форме *диктатуры аппаратчиков*. Это государство не нуждалось в какой-либо прямой финансовой поддержке со стороны населения. Новый класс «управляющих» кормил себя за счет отчислений от своих монополий в экономике. В конечном счете, вся идеологическая обработка населения скрывала этот факт. Самые существенные реформы советского времени — это, прежде всего, реформы для аппарата, в частности, узаконивание привилегий и отказ от опасных для номенклатуры форм выборности.

Чиновники, конечно, не инопланетяне, и иногда у бюрократии и народа просматривается общий интерес. Тогда возникают взаимодействие и взаимная поддержка, результатом которой становится система круговой поруки, которая связывает различные общественные уровни сильнее, чем идеология. Структурная преемственность административной концепции экономики «социализма» и российского постсоветского «капитализма» состоит в том, что чиновники, люди, представляющие государство, были и остаются категорией лиц, обладающих доступом к активам, способным генерировать ренты, и максимально затрудняющим этот доступ другим. Беда в том, что если кому-то из представителей других социальных категорий удастся что-либо «ухватить от пирога», это не улучшает качество социальной среды и тем более не способствует общественному прогрессу.

Рузвельт отмечал, что к основным потребностям простых людей относятся «справедливая доля жизненных благ» и «шанс продвинуться в жизни»¹. На наш взгляд, это должно представлять основные стратегические направления новой российской политики. Однако опасность состоит в том, что прочтение этих лозунгов может быть у различных политических сил диаметрально противоположным.

Эрзац-элита — конгломерат, обладающий повышенной способностью к социальной мимикрии, умеющий ловко подменять понятия и замещать истинные ценности мнимыми. Авторитарная модернизация для нашего общества — это дорога, которая будет возвращать нас обратно к первопричине наших самых страшных исторических кризисов. Без расширения возможностей самореализации каждого, без правовой защиты личности, возможной только при демократии, как общество мы далеко не уйдем. *Элиту отбирает только элита, эрзац-элита отбирает эрзац-элиту*. Каким образом элита окажется во власти — пока историческая загадка будущего. Обычно эрзац-элита освобождает место во власти тогда, когда страна находится на волосок от гибели. Германии пришлось пережить национальную катастрофу, чтобы переболеть фашизмом. Через что, как стране, придется пройти нам, мы пока не знаем...

«Структурная устойчивость» как основная категория анализа политической системы

В настоящее время понятие структурной устойчивости находит широкое применение в социальных проблемах. Напомним, что речь идет о реакции заданной системы на введение новых единиц, способных «размножаться» и вовлекать во взаимодействие различные процессы, протекающие в системе². Проблема устойчивости системы относительно изменений такого типа сводится к следующему. Вводимые в небольшом количестве в систему новые составляющие приводят к возникновению новой сети реакций между ее компонентами. Новая сеть реакций начинает конкурировать со старым способом функционирования системы. Если система *структурно устойчива* относительно вторжения новых единиц, то новый режим функционирования не устанавливается, а сами новые единицы («инноваторы») погибают. Но если структур-

¹ Рузвельт Ф.Д. Беседы у камина. М.: ИТРК, 2003. С. 161.

² Подробнее см.: Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М.: УРСС, 2003. С. 171–174.

ные флуктуации успешно «приживаются» (например, если новые единицы размножаются достаточно быстро и успевают «захватить» систему до того, как погибнут), то вся система перестраивается на новый режим функционирования¹.

«Новыми единицами» для социально-политической системы являются новые *социальные механизмы*, новые *поведенческие нормы* и *характер установок*. При оценке внутреннего состояния системы различие между *желательным* и *действительным* поведением выступает как *внешнее условие нового типа*, определяя контуры динамики наряду с внешней средой². Реализация социального действия в форме социального механизма предполагает ориентацию на поведение других людей, т.е. на контакт индивида с социокультурной средой.

Социальный механизм — это устойчивое по форме социальное отношение, которое реализуется при любом числе повторений с максимально предсказуемым результатом. Функция социального механизма состоит в закреплении «правильных» действий, вернее, того, что считается правильным в данной социальной среде. В случае с материально-производственной деятельностью за ошибки наказывает природа. В социальной деятельности свое суждение о действиях индивида выносят другие члены общества.

Поскольку любое социальное действие предполагает определенную осознанную потребность, мотивацию и цель, *субъективная* основа поведения реализуется в социальном механизме с учетом *культурных норм* данного общества. *Объективной* основой поведения является то, насколько эффективно при помощи данного социального механизма осуществляется обмен информацией, энергией, веществом.

Потеря политической системой структурной устойчивости

Можно утверждать, что скопление эрзац-элиты в государственно-бюрократических структурах — процесс неизбежный и естественный. В процессе становления этого слоя (при образовании нового государства или радикальном реформировании) его представители только делят с высшими стратами статус, власть и богатство. Но по мере сплочения они сами становятся той властью, которая наделяет статусом и богатством, вводя злокачественные «фильтры» для восходящей социальной мобильности и изначально исповедуя кастовость.

Когда вместе с естественным течением исторического процесса в распоряжении этого слоя оказываются технологии и подходящая для его целей идеология, тирании классического типа сменяются тоталитарными режимами. Политический аппарат осуществляет самое глубокое проникновение во все сферы общества. Политическое развитие становится «опережающим», т.е. многообразие жизни пытаются втиснуть в упрощенные идеологические схемы. Образно говоря, включается «проектор» (массовая пропаганда), и публике демонстрируется желаемая для власти картинка. Появляются социальные фантомы, которые создаются по принципу избирательности информации, включая в себя лишь часть свойств социальной действительности. Часть информации отсекается, отбрасывается «за ненужностью», перестает учитываться каким-либо образом.

Однако постоянное приспособление к непрерывно меняющимся условиям среды необходимо не только для *развития*, но и для поддержания уже достигнутого уровня. Количество невостребованной информации переходит в очень опасное качество — потерю социальной системой *структурной устойчивости*. Возникает явление, кажущееся на первый взгляд парадоксальным. Политический режим, пытающийся все упорядочить и отрегулировать по своему разумению, вместо порядка порождает хаос.

Это происходит потому, что в данном обществе отсутствует координация личностных неявных знаний, т.е. сбор специфической информации о местных условиях и особых обстоятельствах. Такие знания воплощаются в разнообразных конкретных умениях, навыках и привычках. Невостребованность этого социального багажа политической властью разрушает социальные механизмы выявления, передачи и взаимосогласования знаний — ту основу социальных отношений, которая называется *преемственностью*. Таким образом, не выполняется одно из усло-

¹ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. С.172.

² Николис Г., Пригожин И. Познание сложного. М.: УПСС, 2003. С.275–276 (Nicolis G., Prigogin I. Exploring Complexity. San Francisco: W.H. Freeman & Co., 1989. Ch. VI. Self-organization in human society).

вий существования *сетей социальной параллельности*. Нарушается тот основной принцип гармонии между индивидом и социумом, когда каждый человек вписывается в общий порядок, координируя свои знания со знаниями людей на основании *свободного выбора*, когда его способности востребованы. Остается неудовлетворенной одна из важнейших социальных базовых потребностей — потребность в самоактуализации.

Внутренние взаимодействия в системе — это не единственный аспект эволюционного развития. Не менее, важное значение имеют сильно неравновесные условия, связанные с критическими, пороговыми значениями потоков энергии и вещества. И. Пригожин и И. Стенгерс отмечают: «Одной из наиболее важных проблем в эволюционной теории является возникающая в итоге обратная связь между макроскопическими структурами и микроскопическими событиями». Мы сделаем первый шаг к объяснению эволюционной обратной связи, «...если будем считать “несущую способность” системы не постоянной, как это было до сих пор, а функцией того, как используется система»¹.

При этих критических значениях новое поведение или идея могут порождать глобальные состояния. В обычных условиях взаимодействия между индивидами порождают те типы коллективного поведения, когда ни одно из этих взаимодействий не соотносится с глобальной задачей, все взаимодействия чисто локальны. Потенциальная возможность к быстрому объединению, при необходимости решения новых, нестандартных задач, основана на способности и возможности людей применять свои знания и принимать решения на личностном уровне. Если внутренние условия системы не дают стимулов для таких проявлений личностной инициативы, если выявление уже имеющейся информации или генерирование новой происходит крайне неэффективно, то огромная масса жизненно важной в критических условиях информации окажется невостребованной.

Социальные фантомы, как концентрированное выражение искаженной информации, в условиях авторитарного или тоталитарного политического режима, при критических состояниях системы способствуют резкой потере структурной устойчивости. Они являются основной причиной усиления малых событий, когда незначительное в период относительной стабильности индивидуальное поведение и индивидуальная идея оборачивают себе на пользу нелинейные соотношения межличностных взаимодействий, порождая новые глобальные состояния.

Этим можно объяснить резкие и быстротечные обрушения тех политических систем, где был особенно силен диктат аппаратчиков, сосредоточившийся в государственных структурах эрзац-элиты. Создание социальных фантомов, паразитирование и невыполнение функционально необходимых задач, предусматриваемых политической деятельностью, накапливаясь *количественно*, с необратимостью приводят к *качественным* изменениям.

Социальные фантомы и кризисы — явления сопутствующие. Кризисы, возникающие как следствие укрепления и распространения социальных фантомов, можно рассматривать как стадию созревания скрытых сил. Тогда расширение личностных знаний, приобретаемых путем сравнения, усиливает малые события, ведущие к новому «порядку через флуктуацию». Здесь вступает в силу самоосуществляющееся пророчество. Социальные механизмы, которые создаются и укрепляются эрзац-элитой в ситуациях, когда нужна быстрая реакция и принятие нестандартных решений, не способны мобилизовать необходимые ресурсы. Возникает неразрешимое для эрзац-элиты противоречие: кризис востребует такие *формы социальных взаимодействий*, как саморегуляция, быстрый обмен информацией и ее переработка, действенная обратная связь и активное совершенствование различных структур, но вся деятельность эрзац-элиты не дает развиваться именно этим формам.

Поскольку эрзац-элита обладает ярко выраженной способностью к социальной мимикрии, один из выходов, который ей доступен (если говорить о современном этапе развития мировых политических систем) — это создание так называемых «гибридных режимов» (*«bustard regimes»*). Эти режимы представляют собой нечто среднее между тоталитаризмом и демократи-

¹ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М.: УРСС, 2003. С. 174, 178.

ей¹. Суть режимов подобного типа — имитация тех реально действующих социальных механизмов, которые вывели политические системы определенного типа на путь наиболее эффективного и динамического развития.

Структура субъективной реальности в этносоциальном взаимодействии: от методологии к конструированию признакового пространства

Донцова Мария Владимировна,
Петров Владимир Николаевич,
Кубанский государственный университет

Принципиальным моментом исследования социального взаимодействия в этноконтактной ситуации выступает представление о том, что ситуация определяется в процессе ее конструирования действующим лицом, а то, с кем и как этот субъект взаимодействует, отражает субъективное и символическое понимание ситуации. С этой точки зрения исследование структуры субъективной реальности приобретает основополагающее значение для понимания свойств социального действия в ситуации межэтнического взаимодействия.

Рассматривая структуру субъективной реальности в контексте социального действия и взаимодействий, обратим внимание на то, что она имеет системный характер и представлена совокупностью функциональных подсистем. *Мотивационная подсистема* включает в себя идею, потребность, мотив и цель (как направление мотивации). С помощью *операциональной подсистемы* в процессе выбора способа и направления поведения человек производит оценку возможностей и выбор средств для достижения поставленных целей.

Подсистема долженствования вовлекается, когда при совершении социального действия индивид принимает ряд волевых решений, соотнося средства достижения целей с ожиданиями других людей и культурными предписаниями. Он ищет способ действия, который будет понят и одобрен другими людьми, то есть ориентируется на ожидаемые и одобряемые, с точки зрения данной культуры, средства и способы достижения. Этот этап аналитической активности можно назвать *долженствованием*. *Долженствование* — своеобразный фильтр, который удерживает все варианты действий, имеющие негативный характер с точки зрения самого субъекта и общности.

Основой *долженствования* является нормативность: субъективное представление о правилах поведения в тех или иных ситуациях, допустимом и недопустимом поведении. Уровень нормативности личности показывает степень ее не/согласия с существующей нормативной системой и, как следствие, склонность к девиантным поступкам. Также в категорию «долженствование», на наш взгляд, необходимо включить «опыт» и «культурную ценность».

Важным фактором в выборе направления и ориентации действия является осознание личностью своей роли в процессе взаимоотношений с другими людьми. Роль также выступает в качестве элемента *долженствования*. Осознание роли тесно связано с предположением «актера-субъекта» относительно ожиданий людей по поводу его поведения. *Долженствование* выступает в качестве своеобразного компаса, направляющего действия человека в «правильное» с точки зрения данной социальной системы русло, и в структуре субъективной реальности выполняет функцию контроля.

Без побуждения человека к активности процесс совершения социального действия останавливался бы на этапе *долженствования*. Этим побуждающим звеном, с нашей точки зрения, является *установочная система*, которая образуется посредством поведенческой активности человека и одновременно представляет собой реакцию на особенности актуальной ситуации. В эту подсистему включены следующие компоненты:

- *собственно поведение*;
- *поведенческие интенции* — намерения, ожидания или планы действий, предваряющие сами действия;

¹ Подробнее о *гибридных режимах* см.: Доган М., Пеласси Д. Сравнительная политическая социология. М.: ИСПИ РАН; «Социально-политический журнал», 1994. С. 212.

— *когниции* — знания, сложившиеся в результате познавательных (когнитивных) процессов и включающие в себя как убеждения, так и элементы сведений о данном объекте и о том, как нам «следует» вести себя по отношению к нему. На базе когниций формируются идеи, сопровождающие собой наши поступки;

— *аффективные реакции*, эмоции или глубинные чувства, отражающие наши установки на уровне физического возбуждения (например, переживание удовольствия, грусти и т.д.);

— *установки* — ценностные диспозиции, устойчивые предрасположенности к определенному отношению, оценке, основанные на когнициях, аффективных реакциях, интенциях и предшествующем поведении, способные, в свою очередь, влиять на познавательные процессы, аффективные реакции, на складывание интенций и на будущее поведение¹;

— *стереотипы*, обобщенное представление о физическом, нравственном и умственном облике представителей различных этнических групп.

Долженствование и установочная система — это два противоположных полюса, находящиеся в диалектической взаимосвязи. Установочную систему можно назвать мотивационным ориентиром, а систему долженствования — цензурой. Эти две системы динамичны и изменяются с каждой новой ситуацией в большей или меньшей степени. В сознании человека долженствование и установочная система существуют в виде образов, символов, идей.

Долженствование и установочная система имеют смысл только в том случае, если индивид соотносит свое поведение с установленными образцами взаимодействия, которые заключены в культурном пространстве общности. Но для того, чтобы этот процесс соотнесения стал возможным, необходимо осознание индивидом своей принадлежности к определенной общности — *идентичность*.

Интерпретируем с позиций предложенной модели социального действия межэтнические взаимодействия. В социологической литературе явление межэтнического взаимодействия определяется как этноконтактная ситуация, то есть ситуация контакта между различными этническими группами и их представителями. Сутью этноконтактной ситуации является субъект — субъектное взаимодействие. Главным структурирующим принципом этноконтактной ситуации является этническая граница. Этническая граница — это психологический результат универсальной для всего живого на земле тенденции разделять мир на «чужих» и «своих» на основе этнической принадлежности. Это оппозиционная тенденция, а, значит, ее доминирование поляризует любую ситуацию, в том числе, и этноконтактную². Пронаблюдаем, как проявляет себя в подобной ситуации система личности.

Система потребностей. В теории человеческих потребностей потребность в идентичности (признании и любви по А. Маслоу) выходит по значимости на одно из первых мест. В современной России в связи с общей ситуацией социальной нестабильности резко актуализирована потребность в присоединениях и социальных связях — солидарности, идентичности, принадлежности к группе. Трансформация социальной напряженности в межэтническую повышает потребность в этничности, т.е. потребность в этнической принадлежности, потребность в позитивной этнической идентичности и потребность в этнической безопасности.

Мотивационная система. По отношению к этнической идентичности актуальными мотивационно-потребностными компонентами являются потребность в этничности. Потребность в этничности находит свое выражение в следующих мотивах: аффилиативных (мотивы привязанности), статусных (мотивы самоуважения и достоинства) и архетипических (мотивы безопасности). Данный мотивационно-потребностный компонент социального действия составляет основу этнической солидарности.

Потребность в этнической принадлежности формируется под влиянием необходимости в социальном, экономическом и психологическом объединении. Это «стремление к психологической общности с группой» известно в психологии как аффилиативный мотив. Подоплека такого «общего чувства» с группой выражается в двух тезисах. Во-первых, для достижения соответствующих целей необходим союз с определенными людьми и с определенными группами. Во-

¹ Зимбардо Ф., Ляйтне М. Социальное влияние. СПб., 2001. С. 46.

² Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998. С. 21–22.

вторых, существует целый ряд важнейших социальных потребностей (в поддержке, одобрении, дружбе, статусе, симпатии и др.), которые удовлетворяются только через межличностные отношения в союзе с другими людьми. Наряду с понятием этнической аффилиации выделяется и явление «этнической аттракции», которое обозначает возникновение симпатии при восприятии одного человека другим, при этом важным условием восприятия является этническая принадлежность.

Потребность в позитивной этнической идентичности выражается в стремлении «принадлежать к этнической общности». Через стремление к позитивной этнической идентичности индивид не только повышает собственную самооценку, но и стремится повысить престиж и статус своей группы. В этом стремлении происходит формирование «статусных мотивов». *Этносоциальный статус* — это ощущение группой своей демографической силы, политических и социальных возможностей по защите интересов ее членов. Именно статусные мотивы порождают противопоставление этнического большинства меньшинству, напряжение «титულიности – нетитულიности», «власти – подчинения» и т.п. Два этносоциальных измерения — «титულიность – нетитულიность» и «большинство – меньшинство» — взаимодействуют и определяют для каждой этнической группы специфичность ее позиции в системе межэтнических отношений. Соотношение этих двух измерений — самостоятельный фактор, активно воздействующий на формирование этнического самосознания, в частности, на уровень этнической мобилизации¹.

Потребность в этнической безопасности выражена не только в стремлении к защите личной идентичности, но и в идентичности групповой. С. Панарин, выстраивая концепцию общей безопасности, отмечает: «Стремление к сохранению своей идентичности — такое же естественное для человека, как и стремление к сохранению жизни. Неотъемлемым атрибутом малой индивидуальной идентичности является большая разделяемая идентичность. Как следствие, человек нуждается в безопасности не только личной идентичности, но и в безопасности идентичности общности (нескольких общностей), к которой (которым) он принадлежит. Этнокультурная идентичность входит в круг важнейших ценностей человека, а представления о ее безопасности ощутимо влияют на общую оценку людьми доступной им безопасности»².

Поле субъективного и культурного контроля. Именно этот элемент системы личности, как никакой другой, является отражением социокультурного аспекта как в системе личности, так и в самой ситуации межэтнического взаимодействия. Формирование элементов этого поля в структуре субъективной реальности — это одновременно результат и причина объективных условий взаимодействия. Именно влияние культурной среды ученые выделяют в качестве определяющего фактора формирования этнопсихологических свойств народов. «Собственно, культура начинается с того, что на поведение индивидов накладываются те или иные ограничения, так как целостность культурной среды предполагает выработку единых правил поведения, общей памяти, единой картины мира у представителей конкретного этноса. В процессе исторического развития каждый народ создает собственную однородную систему культурных ценностей, которые используются его членами для выражения своего мироощущения и этнического самосознания»³.

Каждая личность несет в себе качества своего народа или, как было указано выше, его «этнопсихологические свойства», «субъективный этнический склад». В процессе взаимодействия с представителями других этносов у отдельного актора, как правило, уже есть определенное представление об этническом образе этого народа, выраженном в таких установочных категориях, как стереотип или предрассудок. Существует также некоторое представление о стратегиях взаимодействия с этими людьми, реакции на их поведение, предполагаемых ожиданиях с их стороны, нормативных ограничениях в процессе общения. Все это порождает социокультурные детерминанты — регуляторы поведения, к которым относятся нормы, правила, традиции, обычаи, культурные ценности, являющиеся, в свою очередь, производными культуры.

¹ Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998. С. 37.

² Панарин С. Молодежь, национализм и безопасность // Этнический национализм и государственное строительство. М., 2001. С. 22.

³ Платонов Ю.П. Этническая психология. СПб., 2001. С. 100.

Описанные понятия включены в структуру *менталитета* — особого коллективного качества, выполняющего принципиально важную роль в процессе межэтнического взаимодействия. «Менталитет — это некоторая интегральная характеристика людей, живущих в конкретной культуре, которая порождает своеобразие видения этими людьми окружающего мира, и позволяет объяснить специфику их реагирования на нее»¹.

Применительно к индивиду используется термин «ментальность» — «функциональная система сознания индивида». «Это способ организации содержания культуры в сознании индивида. В образное содержание ментальности включаются наиболее существенные, общие элементы содержания культуры, определяющие положение человека в мире и способы его жизни в нем. Ментальность объективируется в деятельности человека и ее продуктах. Последние составляют содержание культуры. Жизнь человека — процесс его взаимодействия с другими людьми и объективациями ментальности»².

Идентичность. Идентичность в большинстве случаев является определяющим звеном в системе межнациональных отношений. Деление людей на «своих» и «чужих» — один из главных факторов, детерминирующих поведение и реакции акторов в этноконтактной ситуации. Однако здесь необходимо внести и некоторые пояснения. Говоря о ситуации межэтнического взаимодействия и роли личности в этой ситуации, нужно учитывать, что факторы, направляющие действия актора, могут находиться вне плоскости этнических различий. Все зависит от актуальных условий ситуации, характера контакта и целевой направленности его участников. Поэтому в процессе анализа личности и ситуации межэтнического взаимодействия необходимо учитывать тот тип идентичности, который непосредственно определяет реакции и действия актора в ходе контакта.

Этническая идентичность личности — это осознание себя представителем определенного этноса, переживание человеком своего тождества с одной этнической общностью и отделения от других. Результаты исследований этнопсихологов позволяют выделить три основных типа этнической идентичности: этноцентрическую, полиэтническую и трансэтническую³.

Этноцентрическая идентичность обозначает ориентацию личности только на одну, свою этническую общность, с которой она связывает свои ожидания, жизненные планы, установки, свою судьбу. Однако понятие «этноцентризм» имеет не одно, а, по крайней мере, два самостоятельных значения. Во-первых, оно обозначает тот элементарный, всеобщий факт, что отправным пунктом восприятия и оценки чужих обычаев, нравов и т.д. является опыт собственной этнической группы. Во-вторых, этноцентризм обозначает предпочтение образа жизни собственной этнической группы всем остальным: все свое, «наше» является самым лучшим, превосходит все остальное.

Полиэтническая идентичность характеризуется равноценным отношением к нескольким этносам, знанием или желанием знать несколько языков, желанием одновременно пребывать в двух или нескольких этнических средах.

Трансэтническая идентичность возникает, когда личность, не причисляя себя ни к одному этносу, относит себя ко всему человечеству, выходя на надэтнический уровень представления о своем «Я» как о субъекте мирового сообщества (гражданин мира).

Г.У. Солдатова предлагает рассматривать явление этнической идентичности как готовность людей, объединенных по этническому признаку, к групповым действиям по реализации национальных интересов. Этническая идентичность — это не только принятие определенных групповых представлений, готовность к сходному образу мыслей и разделяемые этнические чувства. Это также построение системы отношений и действий в различных этноконтактных ситуациях. Г.У. Солдатовой выделяются несколько типов этнической идентичности («типы этнического самосознания»)⁴:

¹ Ментальность россиян. М., 1997. С. 10.

² Таршиш Е.Я. Ментальность человека: подходы к концепции и постановка задач исследования. М., 1999. С. 41.

³ Платонов Ю.П. Этническая психология. СПб., 2001. С. 112, 122.

⁴ Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998. С. 104–107.

— *позитивная этническая идентичность* представляет такой баланс толерантности по отношению к собственной и другим этническим группам, который позволяет рассматривать ее, с одной стороны, как условие самостоятельного и стабильного существования этнической группы, с другой, как условие мирного межкультурного взаимодействия в полиэтническом мире. В таком мире позитивная этническая идентичность приобретает статус нормы. В ее структуре соотносятся позитивный образ собственной этнической группы с таким же позитивным отношением к другим этническим группам;

— *этническая индифферентность*;

— *гипоидентичность (этнонигилизм) и соответствующие ей этнонигилистические тенденции* отражают нежелание поддерживать собственные этнокультурные ценности, выражаются в ощущении этнической неполноценности, стыда за представителей своего этноса, иногда негативизма по отношению к ним;

— *гиперидентичность (этноэгоизм, этноизоляционизм и национальный фанатизм)* — характеристика самосознания «наступательного» типа, отражающая стремление представителей группы к этническому доминированию. В межэтническом взаимодействии она проявляется в различных формах этнической нетерпимости: от раздражения, возникающего как реакция на присутствие членов других этнических групп, до отстаивания политики ограничения их прав и возможностей. Относительный лояльный тип гиперидентичности обозначается как этноэгоизм. Он может выражаться в безобидной форме на вербальном уровне как результат восприятия через призму конструкта «мой народ». Но может предполагать, например, напряженность и раздражение в общении с представителями других этнических групп или признание за своим народом права решать проблемы за «чужой» счет.

Более глубокие трансформации этнической идентичности соответствуют формированию этнического самосознания по типу этноизоляционизма. Это проявляется в убежденности в превосходстве своего народа, в признании необходимости «очистить» национальную культуру, в негативном отношении к брачным межнациональным союзам, ксенофобии.

Крайним видом гиперидентичности является национальный фанатизм — готовность идти на любые действия во имя так или иначе понятых этнических интересов, вплоть до этнических «чисток», отказе в праве пользования ресурсами и социальными привилегиями другим народам, признания приоритета этнических прав народа над правами человека, оправдания любых жертв в борьбе за благополучие своего народа.

Можно заключить, что этническая идентичность (ее определенный тип) в структуре субъективной реальности актора актуализируется в том случае, если в ситуации межэтнического взаимодействия, так или иначе, затрагиваются именно национальные потребности, интересы, ценности и цели контактирующих групп. В других случаях идентификационные предпочтения акторов концентрируются вокруг принадлежности к социальным группам. Здесь мы можем говорить о профессиональной, религиозной, территориальной, статусной идентификации, а также идентификации по возрастному, семейно-родственному или, например, глобальному («Мы — это все люди») признакам.

С идентичностью тесно связана *установочная система*. Как отмечалось ранее, ее элементами являются «поведенческие интенции», «когниции», «установка», «поведение» и «аффективные реакции». В ситуации межэтнического взаимодействия эта система выполняет функции регуляции действий актора. При этом стереотипы и предрассудки являются главным фактором, определяющим *поведенческие интенции* (намерения, ожидания, планы). Эти установочные образования являются также и элементами сведений об объекте и о том, как нам следует себя вести по отношению к нему.

В случае контактов с представителями своей национальности мы не можем достоверно знать обо всех культурных особенностях (ценностях, нормах и т.д.) представителя(ей) иной этнической группы. В ситуации контакта с незнакомым человеком иной национальности при формировании оптимальной поведенческой стратегии на помощь приходят «этнические образы», к которым как раз и относятся «межэтнические установочные образования» — стереотипы, предрассудки, предубеждения.

Межэтнические установочные образования — это социально-перцептивные феномены этнической идентичности. Они содержат эмоционально-оценочное отношение к различным этническим группам и характеризуют уровень готовности к соответствующим поведенческим реакциям в межэтническом общении. Эти этнические образы помогают избежать различных несоответствий в ожиданиях сторон.

Под этническим стереотипом принято понимать обобщенное представление о физическом, нравственном и умственном облике представителей различных этнических групп. *Этнический стереотип* характеризуется повышенной эмоциональностью и устойчивостью в отражении черт стереотипизируемой группы. Стереотип поведения также считается универсальным критерием отличия этносов между собой. Это особый поведенческий язык, который передается по наследству, но не генетически, а через условно-рефлекторный механизм сигнальной наследственности, когда потомство путем подражания перенимает от родителей и сверстников поведенческие стереотипы, являющиеся одновременно адаптивными навыками¹.

Стереотип имеет структуру, в которой на основе дихотомии «Мы – Они» выделяются два основных компонента: автостереотип, как совокупность атрибутивных признаков составляющих представление о действительных или воображаемых чертах собственной этнической группы, и гетеростереотип, как совокупность атрибутивных признаков составляющих представление о других этнических группах.

Предубеждение и предрассудок, в отличие от стереотипа, имеют негативную окраску и предполагают выбор отрицательной направленности поведения в отношении иноэтнических групп. «Формирование предубеждений и предрассудков связано с глубинными изменениями структуры этнических образов. Социальное же их «конструирование» обусловлено не столько этнокультурными факторами, сколько современными экономическими, социальными, политическими причинами. Поэтому по сравнению с этническим стереотипом, как более «культурной» установкой, предубеждение и предрассудок — это как бы более «социальная» установка.²

В связи с анализом структуры установочной системы нельзя не отметить явление *этнической комплиментарности*, благодаря которому происходит объединение различных этнических групп. Автор этого термина Л.Н. Гумилев определяет комплиментарность (положительную или отрицательную) как ощущение подсознательной взаимной симпатии (антипатии) особей, определяющее деление на «своих» и «чужих»³. Несмотря на то, что Л.Н. Гумилев использовал этот термин для объяснения, главным образом, макроуровневых процессов, в то же время комплиментарность — это личностное свойство и поэтому применимо для объяснения взаимоотношений отдельной личности с другими людьми, близости или социальной дистанции между актором и представителями тех этнических групп, с которыми он входит в контакт. Здесь речь идет об установке на объединение (разобщение), основанной на чувстве симпатии (антипатии). Комплиментарность — это условие, благодаря которому человек ощущает готовность к принятию или непринятию представителя другой этнической группы и ее представителей в кругу своей семьи, друзей, соседей, коллег, сподвижников и т.д. Или, наоборот, к нежеланию контактировать или даже видеть этого человека на своей территории, вблизи «своего» круга. Явление комплиментарности представляется принципиально важным при изучении межэтнического взаимодействия, так как является одним из показателей степени спокойствия/напряженности в отношениях между различными этносами и их отдельными представителями.

Долженствование. В этноконтактной ситуации представление об этом элементе системы личности связано с понятием *этнической экспектации* (ожидаемого и одобряемого поведения членов этнической группы). К экспектациям относится понятие социальной роли, которое в этнической психологии рассматривается «в качестве социальной функции, реализуемой человеком на уровне социального поведения как представителя определенной этнической группы»⁴.

¹ Платонов Ю.П. Этническая психология. СПб., 2001. С. 11.

² Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998. С. 67.

³ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. СПб., 2001. С. 269–271.

⁴ Платонов Ю.П. Этническая психология. СПб., 2001. С. 152.

Социальные роли несут в себе функцию закрепления оптимальных способов поведения в определенных обстоятельствах, выработанных человечеством на протяжении длительного времени.

В *этноконтактной ситуации* актер может выполнять различные роли (продавца, педагога, государственного служащего, гражданина и т.д.), которые могут иметь место и в привычной социальной ситуации. Отличительной особенностью ролевого поведения в процессе межэтнического взаимодействия является наличие этнического стереотипа, который адаптирует ролевую атрибутику к этноконтактной ситуации. Эта корректировка может существенно изменить поведение, обычно сопутствующее той или иной роли, и даже сделать поведение не адекватным этой роли.

Процесс межэтнического взаимодействия регулируется *нормами*, как социальными (организованными социальной системой), так и этническими (могут организовываться как стихийно, так и исторически). К механизмам такой регуляции относятся: сопоставление реального поведения и образца, оценка отклонения, выбор альтернативных вариантов поведения с учетом заданной нормы, выбор самого образца (нормы), сопоставление результатов деятельности с заданными образцами. С учетом этнических норм могут быть специально организованы конкретные условия деятельности и поведения человека, а в более широком контексте — этнической группы и общности.

Значимые для акторов *ценностные ориентации* организуются в систему, которая определяет содержательную сторону направленности личности и составляет основу ее отношения к окружающему миру, другим людям, к себе самой; основу мировоззрения и ядро мотивации жизненной активности; основу жизненной концепции и «философии жизни». Наиболее распространенной является методика изучения ценностных ориентаций М. Рокича, основанная на ранжировании списка ценностей¹. М. Рокич различает два класса ценностей:

— *терминальные* — убеждение в том, что какая-то конечная цель индивидуального существования стоит того, чтобы к ней стремиться;

— *инструментальные* — убеждение в том, что какой-то образ действий или свойство личности является предпочтительным в любой ситуации.

Этноконтактная ситуация, как процесс общения с человеком иной национальности, моделируется системой вопросов и определением предпочтений в ответах. В ходе опроса происходит фиксация особенностей поведения, реакций и установок акторов в ситуации межэтнического взаимодействия. Эта процедура делает возможным представление об особенностях системы личности, позволяет связать сами действия с внутренним миром человека, а значит более подробно описать исследуемый объект. Базируясь на этой логике, можно выделить ряд эмпирических признаков, с помощью которых производится измерение эмпирических характеристик проявления свойства ин/толерантности в ситуациях межэтнических контактов. Все признаки разделены на две группы:

1) *ситуационные* (признаки условий ситуации), индивидуальные и групповые характеристики, демонстрирующие сходство и различия членов исследуемой группы в способах поведения в ситуации межэтнического взаимодействия. Эта группа включает в себя следующие признаки: частота и характер межэтнических контактов; факторы, детерминирующие поведение в ситуации межэтнического взаимодействия; степень допустимости участия иноэтнических групп в общественной жизни России; наличие/отсутствие отрицательного опыта контакта с иноэтническими группами; аффективная реакция на участника(ов) конфликтной этноконтактной ситуации; поведенческие реакции на конфликтную этноконтактную ситуацию (в случае наличия такого опыта); возможность агрессивных действий в ситуации межэтнического взаимодействия. Ситуационные признаки позволяют судить об особенностях этноконтактной ситуации, специфике реакций отдельных акторов на нее;

2) *признаки личностных свойств*, характеристики личности, наиболее ярко проявляющиеся в этноконтактной ситуации. К ним относятся: этническая идентичность; социальная идентичность (своя группа); социальная идентичность (чужая группа); значение для актора национальной принадлежности другой стороны; факторы, определяющие принадлежность к своей нации; значение принадлежности к группе «Мы» и к национальной группе; социальная дистанция — этническая комплиментарность; отношение к иноэтническим группам; система стереотипов (ав-

¹ Энциклопедия психологических тестов. М., 1999. С. 43.

тостереотипы и гетеростереотипы); ценностные ориентации. Признаки личностных свойств фиксируют состояние структуры личности в этноконтактной ситуации. Предполагаемый результат измерения – это получение значений признаков, которые в переводе на содержательный язык являются координатами точек признакового пространства.

Факторы, детерминирующие поведение в ситуации межэтнического взаимодействия. Измерение данного признака осуществляется с помощью факторной операционализации понятия «поведение в этноконтактной ситуации». Признаки, поддающиеся прямому измерению, имеют следующие значения: личностные характеристики (представления, опыт, мотивы, интересы, целесообразность общения, групповые стереотипы, ценности), влияние социального окружения (своей группы), культурные нормы, поведение другой стороны.

Социальная идентичность (своя и чужая группа). Эффективная методика, позволяющая определить социальную идентичность человека, предложена В.А. Ядовым в исследовании «Мы – Они». В этом исследовании в ходе опроса респондентов просили дать свободный ответ о том, какую группу они могли бы назвать своей. В результате было получено множество ответов, которые впоследствии были объединены в группы и закодированы. Данная кодировка легла в основу получения значений указанной переменной и измеряется техникой закрытого вопроса. Индикаторы переменной были отобраны из числа тех, что имели статистическую величину у респондентов, принимающих участие в исследовании «Мы – Они».

Ценностные ориентации. Используется адаптированная методика изучения ценностных ориентаций М. Рокича, в которой различается ценности-цели и ценности-средства.

Система стереотипов. С помощью данной переменной исследуется представление об этническом самоопределении респондентов качеств собственного этноса (автостереотипы) и приписываемых ими качествах представителям других этнических групп (гетеростереотипы)

Латентные признаки: социальная дистанция, уровень комплиментарности.

Таким образом, социальное взаимодействие имеет объективную и субъективную стороны. Объективная сторона взаимодействия — это «социальные факты», не зависящие от отдельных личностей, но опосредующие и контролирующие содержание и характер их взаимодействия и составляющие определенную константу типичной ситуации. Это условия, которые, в свою очередь, представляют собой набор ситуаций, выступающих как совокупность определенных обстоятельств, имеющих субъективную значимость для каждого участника межличностных контактов. Это, в конце концов, нетипичность, с которой может столкнуться действующий.

Субъективная сторона — это сознательное (рационализированное), традиционное или аффективное (М. Вебер) отношение индивидов друг к другу, основанное на взаимных ожиданиях соответствующего поведения. Это межличностные (или социально- психологические) контакты и отношения, которые представляют собой непосредственные связи между индивидами, складывающиеся в конкретных условиях места и времени. Это типичная или адаптированная к нетипичности реакция партнера по взаимодействию.

Понимание структуры признакового пространства в ситуации социального действия опирается на представление об его общей системе, которая включает: потребность, интерес, идею (как проект движения к удовлетворению потребности), мотив (потребность, содержательно обогащенная смыслом) и цель. Операциональная составляющая действия связана с оценкой возможностей и выбором средств для достижения целей.

Частные вопросы к большим схемам: городские исследования и критическая ревизия социологического инструментария

Запорожец Оксана Николаевна,
Самарский государственный университет

Ревизии социологического инструментария до недавних пор вполне вписывались в логику «битвы титанов»: качественная социология против количественной (российская дискуссия первой половины 1990-х), постпозитивистская парадигма против позитивистской¹. Сменявшие

¹ Denzin N.K., Lincoln Y.S. (eds.) The Sage Handbook of Qualitative Research: 3d ed. Thousand Oaks: Sage, 2005.

друг друга этапы критического переосмысления социологических методов словно исходят из негласной посылки, что целостной эпистемологической системе должна противостоять не менее тотальная логика. Однако в последнее время вопрос о необходимости методической (и методологической) ревизии все чаще поднимается отдельными предметными полями, не находящими в имеющемся арсенале социологических методов инструментов, позволяющих сколь-нибудь плодотворно изучать вполне определенные социальные пространства. В своей презентации я хотела бы обратиться к городским исследованиям (Urban Studies) и поговорить о том, как опыт рефлексии отдельных предметных областей может не только подвергать пересмотру существующие социологические каноны, задавая неудобные вопросы (что в принципе является стандартной аналитической процедурой), но и обогащать, расширять методические возможности социологии. Кроме того, на мой взгляд, важно задаться вопросом: насколько успешно методы и аналитические сценарии других подходов могут быть инкорпорированы социологией, продолжающей оставаться преимущественно научно ориентированной, невзирая на декларируемое многообразие эпистемологических схем, скрывающееся за широко распространенными метафорами всем известной «зонтичной науки»¹.

Городские исследования — нередкий в современной науке пример междисциплинарного знания, частью которого является и социология. Поиск инструментов рефлексии, соответствующих специфике поля, — одна из основных задач выбранной предметной области. В этом случае поиск «site sensitive» (чувствительных к объекту) инструментов противоречит принятому универсализму социологических методов. Важными отличиями городских исследований становятся: (а) проблематизация позиций исследователя; (б) декларация связанности исследовательской позиции с инструментами рефлексии; (в) зависимость стиля письма/представления результата от выбранной исследовательской позиции.

Саму постановку вопроса о значимости и тем более вариативности исследовательских позиций нельзя назвать типичной для социологического знания. Конечно, одним из водоразделов качественной и количественной социологии становится противопоставление объективизма и субъективизма исследователя. Однако признание субъективности исследователя на практике нередко редуцируется к констатации значимости его личных особенностей/личной ситуации, предположительно влияющих на ход исследования. В лучшем случае описание позиции исследователя становится своеобразной точкой отсчета в системе социальных координат, разоблачением фреймов, структурирующих исследовательский опыт. Вспомним, к примеру, столь популярное во второй половине 1990-х начало академических текстов, особенно написанных в рамках феминистской традиции: «я, мать-одиночка, такого-то возраста...» и т.п. Описание позиции исследователя проясняло особенности его биографического опыта, декларировало влияние фонового знания, соответствующего позиции, на процесс исследования, но оставляло без ответа важнейший аналитический вопрос: как именно позиция автора формирует фокус исследования.

Опыт городских исследований показывает, что субъектность исследователя понимается, прежде всего, как его позиция по отношению к городу, определяющая особенности его исследовательских установок или, точнее говоря, оптики (способа видения и чувствования города). Несколько ключевых метафор городских исследований — фланер², дрейфующий³, перформер⁴ — способы обозначения устойчивых «исследовательских масок». Выбор позиции исследователя предопределяет оптику рассмотрения города или обращаясь к более легитимной социологической риторике — метод изучения. Рассеянный, блуждающий взгляд затерянного в городской толпе фланера, рефлексивный коллективизм и пристальное вглядывание в повседневный город дрейфующих, городские интервенции («artivism») перформера — все это примеры столь нетипичного для социологии описания особенностей метода через персонажность исследователя. Таким образом, обобщенная и концептуализированная субъектность становится важным эвристическим инструментом городских исследований, позволяя создавать комбинации исследовательских приемов и методов, комбинировать разные

¹ Punch K. Introduction to Social Research: Quantitative and Qualitative Approaches. L. et al.: Sage, 1998.

² Беньямин В. Париж — столица XIX столетия // Озарения. М.: Мартис, 2000.

³ Дебор Г. Теория Дрейфа / Пер. с фр. Л. Савина // URL: http://rossia3.ru/ideolog/t_dreif (1956)

⁴ Larsen J. Families Seen Sightseeing: Performativity of Tourist Photography // Space and Culture. 2005. Vol. 8; Thrift N. Non-Representational Theory. Space. Politics. Affect. Oxford, N.Y.: Routledge, 2008.

вательских приемов и методов, комбинировать разные способы изучения, лишая их безликой универсальности и приспособлявая как к особенностям позиции исследователя, так и изучаемых городских пространств.

Выбор исследовательской позиции в данном случае оказывается определяющим не только при выборе инструмента исследования, но и стиля описания городских практик. Поэтические городские рефлексии фланеров, эмоциональная картография дрейфующих, на поверхности карты сражающихся с функциональностью и монотонностью города, артистические действия перформеров, превращающих горожан в соавторов и реинтерпретаторов городской повседневности — стили письма и социального действия, образующие традицию городских исследований.

Последний, но не менее важный вопрос: нужно ли социологам знать о состоянии других полей? Можно ли инкорпорировать существующие рефлексивные практики в имеющийся методический арсенал социологии? К примеру, ввести понятия «фланерское наблюдение» или «эмоциональное картографирование». Думается, что за методическими и стилевыми «диверсиями» частных предметных полей, экзотическими новинками инструментария стоит серьезнейший вопрос, обращенный к социологии как к определенному эпистемологическому проекту: возможно ли сегодня сохранение методического универсализма и игнорирование предметной специфичности методов, а также сохранение представления о недифференцируемости позиции исследователя. Очевидно, что частичная ревизия действующей логики социологического исследования невозможна. Что же все-таки станет ответом? Почетная ссылка методов и стилей — «нарушителей спокойствия» в области межпредметных проектов или все же столь востребованная ревизия отчаянно консервативного социологического знания?

Количественные и качественные методы: примеры сочетания в исследовании

Ильиных Светлана Анатольевна

*Новосибирский государственный университет
экономики и управления*

О соотношении количественных и качественных методов исследования речь идет уже не первый год. Еще в 1995 году в рамках Круглого стола, посвященного рассматриваемой нами проблематике, Ю.Н. Толстова изложила свою точку зрения на разделение социологии на качественную и количественную, основанную на понятиях теории социологического измерения. По ее мнению, мягкий метод сбора данных базируется на неформализованном контакте с респондентом, жесткий — на формализованном. Самый мягкий метод — свободное интервью, самый жесткий — анкета с закрытыми вопросами. Между этими полюсами имеется множество «промежуточных» методов, например, полужформализованное интервью, анкета с открытыми вопросами и т.д. Плюсы мягкого подхода к измерению состоят в учете психики респондента, в возможности, «залезть ему в подкорку». Минусы — невозможность опроса большого количества людей и, как следствие, принципиальное отсутствие возможности проверки гипотез, поиска статистических закономерностей, построения репрезентативной выборки, использования достижений математической статистики. Плюсы жесткого подхода к измерению заключаются в решении многих проблем, недоступных мягким методам¹.

Мы разделяем точку зрения Ю.Н. Гаврильца о том, что нужно прекратить спор о соотношении количественных и качественных методов. С его точки зрения, в науке существует две проблемы: (1) одинаково понимать установленные суждения, утверждения; и (2) правильно и грамотно применять адекватные методы².

В чем состоит логика количественного исследования? В.Якубович полагает, что традиционно «количественные» методы социологов опираются на вероятностно-статистическую философию, восходящую к А.А. Чупрову³. Общество здесь понимается как «статистически толкуемая

¹ Ростегаева Н.И. Методология и методы социологии в трансформирующемся обществе (Материалы круглого стола международной научной конференции "Россия в поисках будущего" 23-24 октября 1995 г.) // Социология 4М, 1997. №8. С. 192.

² Там же. С. 194.

³ Якубович В. Качественные методы или количество результатов // Социология: 4М. 1995. №5–6. С. 16–27.

“совокупность” людей, число которых достаточно велико, чтобы оно обнаружило действие закона больших чисел¹ [5, с. 456]. Иными словами, логика количественного исследования — в использовании значительной совокупности респондентов, которая позволяет говорить о некоторых общих закономерностях, свойствах, характеристиках.

Однако при использовании количественных методов неизбежно ускользает из сферы исследования то, что не укладывается в общие закономерности. К примеру, изменения, которые происходят мужчинами и женщинами в результате интенсивных общественных или иных преобразований. Эти изменения непросто интерпретировать, используя лишь статистический анализ данных. В результате, полагаясь лишь на количественные методы, исследователь может упустить из вида начало важных изменений, которые лишь с течением времени, возможно, проявятся в статистически значимых показателях.

В связи с обозначившейся проблемой очевидна необходимость использования качественных методов. В чем состоит логика этих исследований? Если мы продолжим рассматривать мужчин и женщин, то в первую очередь логика связана с обращением к понятию «жизненный мир». Им обозначается совокупность реальностей, одной из которых является повседневность. Согласно А. Шюцу, каждый индивид оказывается «помещенным» в повседневной жизни особым, неповторимым образом; это касается как физического восприятия себя, так и смысловых характеристик окружающего социального мира².

В соответствии с принятой моделью и понятийным контекстом механизмы изменения следуют извлекать из пространства конструкций повседневности. Для доступа к этим конструкциям рекомендуется использовать качественные методы сбора информации (биографический метод, включенное наблюдение, неструктурированное интервью, фокус-группу). Они позволяют получить «естественные» данные и создают основу для последующего восхождения к теории. Таким образом, качественные методы необходимы для выявления некоторых особенностей повседневности, которые невозможно выявить количественными методами. В этом смысле оба метода противостоят друг другу.

Наиболее полно различия в количественных и качественных методах, на наш взгляд, представлены Рейхардтом и Куком³. Авторы указывают, что дискуссия между «качественниками» и «количественниками» приняла характер столкновения не столько двух методов, сколько двух методологических парадигм. Характеристики последних авторы свели в *таблицу*.

Если проанализировать методы не сточки зрения противопоставления, то можно увидеть, что они являются взаимодополнительными. Проводя нить рассуждений дальше, можно отметить, что любая исследуемая реальность не может быть постигнута в полной мере лишь при использовании одного метода. Для создания целостной картины нужны методы, которые взаимно дополняют друг друга. Так, исследуя мужчин и женщин важно ориентироваться как на процессы, так и на состояние, учитывать как динамическую, так и стабильную реальность.

Проблема, которую чаще всего усматривают социологи, состоит в представлении: количественные методы обеспечивают надежность и валидность, чего не скажешь о качественных методах. Однако это, скорее, традиция, традиционный взгляд. На деле же возможны ситуации, когда исследование, проведенное с помощью количественных методов, может не обеспечить критериев надежности и валидности.

Конкретная задача и исследовательская ситуация определяют выбор одного или комплекса методов. В качестве примера хотелось бы привести исследование, опирающееся на два рассматриваемых нами метода, проведено В. Якубовичем⁴. Автор попытался исследовать способ воспроизводства социального статуса молодыми людьми с точки зрения семейных биографий, пользуясь выборкой лонгитюдного исследования. Позволим себе привести довольно длинную цитату, в которой автор раскрывает механизм совмещения. Он указывает,

¹ Давыдов Ю.Н. Н.Д. Кондратьев и вероятностно-статистическая философия социальных наук // Н.Д. Кондратьев. Основные проблемы экономической статики и динамики. М., 1991. С. 456.

² Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. №2.

³ Reichardt C.S., Cook Th.D. Beyond Qualitative Versus Quantitative Methods // Qualitative and Quantitative Methods in Evaluation Research. London, 1979. P. 10.

⁴ Якубович В. Качественные методы или количество результатов // Социология: 4М. 1995. №5-6. С.16–27.

что «способ передачи статуса невозможно формализовать априори, поэтому исследование может быть только качественным. Начинать имеет смысл с тех индивидов, у которых уже произошли основные события жизни: получение образования, поступление на работу, приобретение собственного жилья, женитьба. Но как найти таких? Здесь и приходят на помощь данные 2-го этапа лонгитюда «Пути поколения». С помощью компьютера отбирается определенное число удовлетворяющих заданным условиям респондентов. Затем имеет смысл познакомиться с их анкетами с целью выявления наиболее «контактных» (критерий — аккуратные ответы на вопросы). Последующий телефонный разговор не обманул ожиданий: Михаил П. и Рамия Н. согласились дать интервью. Получился очень содержательный материал для анализа, так как ответы существенно различались по полу, образованию, месту рождения, национальности, наличию детей. Целенаправленный выбор дал, например, сразу два способа быстрого получения жилья в г. Москве: наследование от родителей (Михаил П.) и поступление на неквалифицированную работу в сфере обслуживания (Рамия Н. — лифтер в «номенклатурном» доме). В обоих случаях это оказалось характерным для семей в целом. Таким образом, проблема направленного поиска респондентов (теоретическая выборка) легче решается при наличии количественных эмпирических данных.

Таблица

Различия качественных и количественных парадигм

Качественная парадигма	Количественная парадигма
Обосновывает качественные методы	Обосновывает количественные методы
Феноменологизм, т.е. понимание человеческого поведения, исходя из интерпретации субъекта	Логический позитивизм, т.е. поиск фактов и причин социальных феноменов без особого внимания к субъективным состояниям индивидов
Естественное и неконтролируемое наблюдение	Навязанное и контролируемое наблюдение
Субъективность	Объективность
Привязанность к данным, «внутренняя» перспектива	Отстраненность от данных, «внешняя» перспектива
Обоснованная, ориентированная на открытие нового, объясняющая, исчерпывающая, описательная и индуктивная теория	Необоснованная, ориентированная на верификацию, подтверждающая известное, редуционистская, гипотетически-дедуктивная теория
Ориентация на процесс	Ориентация на состояние
Валидные, «реальные», «богатые» и «глубокие» данные	Надежные, «жесткие» и повторяемые данные
Необобщающее исследование случая	Обобщающее исследование множества случаев
Целостность	Фрагментарность
Предполагает динамическую реальность	Предполагает стабильную реальность

После качественного обоснования теория передачи статусов допускает частичную формализацию и может быть распространена на весь объект на следующем этапе лонгитюда. Такое последовательное использование количественной и качественной методик для углубления концепции — лишь один резон комбинировать методы. Кроме того, данным способом достигается взаимный контроль смещений в результатах, так как в двух типах методов природа смещений различна».

Итак, возможность совмещения методов обосновывается конкретными практическими исследованиями. Мы, в свою очередь, также хотели проиллюстрировать возможность совмещения методов.

Автор, изучая тему маскулинности, проанализировала результаты собственного исследования организаций малого бизнеса г. Новосибирска, проведенного в 2008 году¹. Исследование не было нацелено на изучение сугубо маскулинности, но некоторые блоки анкеты напрямую затрагивали изучаемый аспект. В результате исследования мы пришли к выводу о том, что наряду с уже выделенными типами маскулинности, такими, как, гегемонная, несостоявшаяся, соучаствующая, имеет место естественная маскулинность (термин введен автором).

Если *гегемонная маскулинность* — это жизнь, в соответствии с мужским хабитусом лидерства, власти, первенства, то *естественная маскулинность* — это жизнь, в соответствии с мужским хабитусом, в котором имеет место снятие разного рода ограничений, накладываемых гегемонной маскулинностью. Сюда относится и эмоциональность, и признание за мужчиной права быть неуверенным, обеспокоенным будущим, и возможность иного отношения к семье, к детям. В естественной маскулинности принципиально допустим сдвиг в жесткой дихотомии «работа — мир мужчины, семья — мир женщины» с работы на семью. В этом же типе маскулинности иное отношение к власти: мужчина не обеспокоен тем, что не чувствует себя властным.

Полагаясь на результаты количественного метода, мы выявили, что в реальности имеет место как гегемонная маскулинность, естественная маскулинность, так и сочетание этих типов в разных соотношениях. В частности, сочетание разных типов особенно отчетливо проявилось при ответах на вопросы о работе и семье. Мы предложили респондентам ответить на ряд следующих вопросов: «Работа является главным в моей жизни», «Для меня в равной степени значимы работа и семья», «Семья для меня занимает первостепенное значение, а на втором месте — работа».

Оказалось, что работа не является главной сферой жизни ни для мужчин, ни для женщин. Полученные результаты свидетельствуют о том, что для большинства мужчин работа не относится к числу приоритетных. А значит, они являются носителями естественной маскулинности, поскольку для представителей гегемонной маскулинности приоритетна, в первую очередь, работа.

Исключение составили ответы молодых мужчин до 30 лет, имеющих высшее образование (44,6%) и мужчин со средне-специальным образованием в возрасте от 40 до 49 лет (38,9%). У очень молодых мужчин с высшим образованием налицо проявление гегемонной маскулинности, поскольку они только вступают в период «одевания доспехов» маскулинности, а потому готовы доказывать первенство. У мужчин со средне-специальным образованием в возрасте от 40 до 49 лет, отдающих предпочтение работе, также имеет место гегемонная маскулинность. Более того, наши результаты оказались в корреляции с исследованиями представителей рабочего класса и среднего класса, проведенного Е.Ю. Мещеркиной². На основании эмпирических данных автор сделала вывод о том, что представители среднего класса более нагружены патриархатными стереотипами, чем представители рабочего класса, что и отражает наличие, на наш взгляд, гегемонной маскулинности.

Оценка мнения «Для меня в равной степени значимы работа и семья» показала то, что у одной группы мужчин имеет место сочетание двух типов маскулинности. Положительные ответы мужчин разного возраста и уровня образования колебались в диапазоне от 24,2% до 38,9%. Максимальное число ответов получено вновь от группы мужчин в возрасте от 40 до 49 лет со средне-специальным образованием. Как мы увидели ранее, для одной части мужчин этой группы важна работа. Вместе с тем, точно такое же число мужчин ценит работу наряду с семьей.

¹ Выборочная совокупность составила 1354 респондента. Выборка формировалась на основе статистических данных, существующих в соответствии с «Общероссийским классификатором видов экономической деятельности» (ОКВЭД). Использовался двухступенчатый отбор. На первой ступени с помощью простого случайного отбора осуществлен выбор 43 организаций малого бизнеса, на второй — систематический стратифицированный отбор респондентов. Результаты изложены в: Ильиных С.А. Гендерная концепция организационной культуры: Монография. Новосибирск: НГУЭУ, 2009.

² Мещеркина Е.Ю. Социологическая концептуализация маскулинности // Социологические исследования. 2002. №11. С. 15–25.

Иными словами, мужчины одного и того же возраста и уровня образования придерживаются, с одной стороны, традиционных взглядов на мужчину, а с другой, имеют несоответствующие традиционному конструкту мнения. Это позволило нам сделать вывод о том, что на этом примере просматривается то, что в сознании присутствует сочетание разных типов маскулинности.

Весьма показательны в изучаемом нами аспекте маскулинности результаты при оценке третьего мнения «*Семья для меня занимает первостепенное значение, а на втором месте – работа*». Оказалось, что семья имеет приоритетное значение для мужчин с высшим образованием в возрасте от 40 до 49 лет (37,5%). Полученные результаты со всей очевидностью демонстрируют то, что мужчины с высшим образованием в возрасте от 40 до 49 лет изменяют нормативы гегемонной маскулинности и проявляют естественную маскулинность в изучаемом вопросе.

Выявленные закономерности побудили нас провести качественное исследование с целью более детального выявления обоих типов маскулинности, а также их совмещенной модели. Для этой цели нами использовался биографический метод. Мы приведем результаты не всего биографического исследования, а лишь то, что касается типов маскулинности. В качестве критериев для последующего анализа выступили следующие: образование, работа, семья, отдых.

Итак, Ростислав Г. 46 лет, имеет высшее образование, женат, есть дочь. Является одним из крупных бизнесменов в Новосибирске. С нашей точки зрения, мужчина принадлежит к группе носителей гегемонной маскулинности. Он получил одно из самых престижных образований технического профиля. Сугубо техническая специальность — один из маркеров маскулинности. Следующий маркер — диплом, который сразу делит на элиту и остальных. «Институт закончил с красным дипломом. Мужчина всегда должен быть первым. Пробивался самостоятельно по карьерной лестнице в одном из НИИ, но понял, что первые места здесь будут долго заняты. Пошел в бизнес». Как видим, стремление к первенству, нежелание быть вместе с большинством выступало движущей силой. Нужно отметить, что бизнес, а не государственная служба или работа по найму также представляет собой из маркеров гегемонной маскулинности. «Женился поздно. Долго выбирал. Да и вообще нельзя семью ставить впереди себя, а то получится, что сам толкаешь ее как телегу». В этом очевидны приоритеты представителей гегемонной маскулинности: работа на первом месте, а семья — как получится. «В бизнесе нужно быть жестким, иначе быстро подомнут. Поэтому за мной идет репутация человека, который выжимает соки». Отношение к партнерам, коллегам и персоналу жесткое. Вероятно, одним из эффектов этой жесткости должен быть страх у тех, кто с ним работает. «Раньше отдыхал мало. Работа, работа и еще раз работа. Сейчас времени больше. Поэтому люблю ходить в зал заниматься железом и охоту. Охота – это моя страсть». В этом эпизоде просматривается целый комплекс маркеров гегемонной маскулинности: работа как главнейшая сфера приложения сил, железо как символ силы, охота – как символ власти над живой природой, а может и другими людьми».

Следующий респондент Яков С., 40 лет. Закончил вуз, который не имел большой престижности в числе вузов города, но зато в нем была секция альпинизма. Именно она и стала главным в выборе вуза. «Учился средненько, за звездами не гнался». Эти маркеры очерчивают представителя естественной маскулинности. Выбор профессии, которая традиционно связывается с карьерой, продвижением, определялся не престижностью, а личными интересами за пределами сферы «работа». Не желание или невозможность быть в числе первых на курсе, безусловно, не редкость. И возможно, представителей гегемонной маскулинности найдется немало в их числе. Однако то, что «за звездами не гнался» позволяет говорить о свободе: не лучший и не худший. «После окончания вуза пошел в НИИ на рядовые должности и совершенно не пробивался, поскольку для меня главное — чтобы отпускали в поездки в горы. Сейчас работаю в фирме, связанной с высотными работами. Начальник — сам большой любитель альпинизма, поэтому общий язык находим постоянно». Как видим, совсем иная мотивация работы: не карьера, а увлечение. «Женился только в 35 лет на женщине, с которой ходили вместе в горы. Я вообще не понимаю, как люди живут вместе и совсем мало общаются. Видимо, не о чем говорить. Как живут? Муж занимается одним, а жена другим, вечером — все в разных углах». Здесь можно выделить несколько маркеров естественной маскулинности: (1) серьезный подход к созданию семьи (поздний брак). Конечно, этот маркер не является типичным только для представителей этой группы. Однако последующий материал свидетельствует о том, что жена выбиралась по

принципу «ровни в увлечении». Можно говорить об уходе от нормативов гегемонной маскулинности. (2) Выбор спутницы жизни из сферы увлечения. (3) Жена — это близкий человек. 4) В семье обязательно общение; плохие признаки семейной жизни — взаимная отдаленность мужа и жены. «В горы хожу при первой возможности. Один раз разбивал лагерь с температурой 38. Все пошли на радиальное восхождение. Я остался один. Отлежался, но уже скоро добежал до своих. Люблю водить в горы и взрослые и детские группы. Конечно, иногда за них переживаю, возникает страх, но учу страховать». Для Якова горы уже не являются средством проявления его личной силы или слабости. Горы — это его любовь, с которой он охотно делится и с детьми, и со взрослыми. Как мы указывали, для представителей естественной маскулинности характерно выражение своих опасений. Безусловно, они не концентрируются на них. Иначе это был бы вариант несостоявшейся маскулинности. Мужчины с доминирующей естественной маскулинностью находят пути выхода из опасных ситуаций, страха серьезными средствами. Не стараются они также концентрироваться и на болезни.

Последний респондент, Дмитрий, 45 лет. Вуз, который он закончил — технический, но специальность — отчасти техническая, а отчасти творческая. Дмитрий — архитектор. «В вузе учился в разряде «хорошистов», это влияло на распределение». В данном случае сочетаются оба типа маскулинности. Свидетельства этому — выбор вуза, ориентация на получении диплома и работы. Также работал в НИИ, но в 1990-е годы ушел в бизнес. Если Ростислав организовал свой бизнес, то Дмитрий устроился в качестве наемного служащего. «Денег больше. Работа интереснее. Свободы больше. Начальник не стоит над душой». Вновь два маркера: работа и деньги — показатель гегемонной маскулинности, интересная работа, свобода, нетрадиционная власть начальства — показатель естественной маскулинности. «Теперь я индивидуальный предприниматель. Полностью провожу отделку состоятельным людям, начиная с эскизов и заканчивая заказом мебели по каталогам. Клиентов не много. Работаю в удовольствие». Здесь вновь прослеживается гегемонная маскулинность в том, что Дмитрий сам является хозяином своего бизнеса, имеющим власть и престиж. Естественная маскулинность отражается в получении удовольствия от работы, отсутствии гонки за клиентами. «Женился. Моя будущая жена только-только окончила школу». Гегемонная маскулинность отражается в выборе жены: молодая, здоровая. Естественная маскулинность просматривается в отсутствии какого-либо профессионального статуса жены и отсутствии проблемы в этом. «С женой обсуждаем многие темы. Она знает мои проблемы, а я — ее. Но мне не нравится ее увлечение Арбатовой». Фамилия М. Арбатовой у многих ассоциируется с феминизмом. Поэтому Дмитрию не нравится проникновение нетрадиционных идей, что, безусловно, являет пример гегемонной маскулинности. А вот обсуждение, коммуникация, сочувствие — примеры естественной маскулинности.

Все выявленные особенности гегемонной маскулинности мы не смогли бы обнаружить количественным способом. Нам потребовался один качественных методов. Однако важно обратить внимание также и на то, что типы маскулинностей были выявлены лишь с помощью качественного метода. Очевидна их взаимная дополняемость, которая, безусловно, предопределяется задачами исследования.

Подведем итоги. В теоретической части работы мы обсудили проблемы соотношения количественных и качественных методов и пришли к мнению о возможности их совмещения. Безусловно, сочетание разных методов должно осуществляться на основательной теоретико-методологической основе.

История идей как исследовательский метод в социологии знания

Каменская Татьяна Григорьевна,
Одесский национальный университет
им. И.И. Мечникова

Понятие «знание» является одной из базовых и древнейших категорий философии и науки в целом и изучается в рамках философско-исторической традиции. Любая современная научная работа по когнитологии или социологии знания (не говоря уже о философской системе знаний)

всегда начинается с анализа главных открытий и идей в области знания и познания. Самые первые зафиксированные идеи о том, что такое знание, не получают опровержения вновь появившимися теориями и идеями. А появляющиеся новые идеи постоянно пополняют и уточняют свойства этого феномена.

Накопленные за весь исторический период философские и научные идеи о знании в рамках сравнительно молодой научной отрасли «социология знания» также исследуются историческим методом. К. Манхейм, П. Бергер и Т. Лукман, известные своими работами по социологии знания, указывают в качестве наиболее приспособленной к проблемам науки и знания парадигму (или ее еще называют методом) — историю идей. Авторами метода «история идей» являются американские исследователи Артур Лавджой и Джордж Боас. При их содействии с 1940 г. в США начал выходить «Журнал истории идей». Он объединял исследователей различных направлений, занимающихся интеллектуальной историей.

В советской и в ранней постсоветской гуманитарной науке данный метод практически не применялся. Сказывалась прежняя скованность позитивизмом, не допускающим, чтобы альтернативные мировоззренческие концепты рассматривались в качестве равноправных. Концепция исторического материализма, длительное время доминировавшая в советской науке, строилась в значительной мере на критике идеалистических взглядов. Одна из первых попыток приобщиться к методу «история идей» ознаменовалась выходом в 2001 году в Санкт-Петербурге сборника «Философский век: История идей как методология гуманитарных исследований».

Начиная с первых усилий мыслящего субъекта постичь суть непосредственно самого мышления и познания и до настоящего времени, исследователям приходится иметь дело со сквозными связями идей, порожденными человеческим разумом или посетившими (осенившими) человечество. Накопленный многовековой опыт позволяет современникам подтвердить древние свидетельства о том, что в основании всех историко-культурных процессов лежат общие механизмы и процессы, представления о которых просто разобщены во времени и пространстве.

В литературе о данном типе исследовательской традиции находим следующее: что история идей (история мысли) включает историю разных типов знания или символических систем в целом. История техники, история науки, история религии, история философии, история медицины и даже история искусства в Новое время, в силу специализации знаний, в основном не принадлежали истории, а составляли часть, соответственно, техники, науки, религии, искусствознания и т.д. Но в последние десятилетия произошли качественные изменения, сделавшие эти разделы знания достоянием в том числе и истории. «Это случилось, как только возникло понимание взаимосвязи между символическими универсумами (подуниверсумами), социальной системой и системой личности, позволяющее рассматривать отношения, например, между болезнями людей и властью, техникой и империализмом, языком и социальным статусом»¹. Основными стратегиями истории идей, по мнению российских историков И.М. Савельевой и А.В. Полетаева, являются те же, что и в истории политики: учитывается авторство идеи; изучается культурный контекст (господствующие идеологии, наличие кризисов, политические, национальные, межстрановые отношения).

Слово «идея» (от греческого *idéa* – образ, представление) первоначально использовалось в философском дискурсе. До Нового времени (XVII–XVIII вв.) этим словом обозначали архетип духовного, творящего феномена. У Аристотеля и Платона синонимом «идеи» выступало слово «эйдос». Эйдосы толковались как идеи занебесного мира, умопостигаемые сущности вещей. С началом Нового времени идеи стали отождествляться с понятием человеческого ума, образами, находящимися в распоряжении человеческого сознания.

В марксистской гносеологии в рамках теории отражения идея рассматривается как «отражение практики в синкретической полноте целей, норм и средств»². Идея занимает место между знанием и действием. Из особенностей мыслящего человека принадлежащие ему идеи выглядят и как побуждение к действию извне, и как личностный мыслительный потенциал.

¹ Савельева И. М., Полетаев А. В. Социология знания о прошлом. М.: ГУ ВШЭ, 2005. С. 295.

² Тульчинский Г.Л. Идея как нормативно-ценностный синтез знаний // Философская и социологическая мысль. 1989. № 4. С. 44.

«История идей» как метод упоминается и в работе П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания». Авторы употребляют данное словосочетание в узком понимании, как синоним «интеллектуальной истории». А «идея» объясняется ими через синонимы: «теоретическое мышление», «Weltanschauungen» (пер. с нем. – мировоззрения, понятия о мире)¹. В рамках социологии знания метод «история идей» хронологически выстраивает, по мнению Бергера и Лукмана, истории интеллектуальных достижений из нескольких научных отраслей. В изучении социального аспекта знаний необходимо анализировать истории религиозных идей, психологических и лингвистических.

Методу «история идей» определенным образом соответствуют феноменологические принципы «познания познания». Сквозь всю структуру исторического цивилизационного поля проходят несколько фундаментальных идей, к которым на новом витке времени приращивается новое дополнение, открытие, приходит новое понимание. В этой связи Э. Гуссерль писал: «Становясь на современную точку отсчета, более глубоко можно постигнуть понимание начал, без которых нельзя понять развитие, как развертывание смысла. Нам не остается ничего иного, как двигаться вперед и возвращаться назад, двигаться «зигзагом». Прояснение одной стороны приводит к прояснению другой, которая в свою очередь высвечивает другую»².

Взгляд на уже означенные (переведенные в знание) феномены с позиции более отдаленной временной перспективы, по сути, содержится и в одном древнейшем мифе о разбитом зеркале. Метафора «разбитого зеркала» встречается в мифах скандинавских народов и в сказках Г.Х. Андерсена. Как однажды разбитое зеркало никогда не дает целостного адекватного отражения предметов, так и знания в нашем мире предстают в виде осколочных фрагментов, которые даже при воссоединении не образуют завершеного и истинного образа познаваемого объекта. Из этого следует, что все осколки (модели знания) достойны внимания, и в то же время только с позиции отдаленного обобщенного взгляда вырисовывается их связь и значение друг для друга, более полная конфигурация объекта отражения. Не случайно исследователь в области социологии знания М. Полани, а до него и Ф. Энгельс, в исторических анализах развития науки делали акцент на том, что даже в таких позитивных науках, как физика, химия, приходится признаваться в заблуждениях. Среди самых глобальных ревизий часто упоминаются такие: опровержение геоцентрической системы гелиоцентрической; множественные изменения взглядов после открытия теории относительности; открытие в структуре молекулы воды тяжелого водорода и др. Даже эмпирически доказанные знания могут подвергаться сомнениям, если посмотреть на них с более обобщающих позиций — таков смысл легенды об осколочной сущности знания. По праву «переживших» мы с современных позиций можем увидеть более целостную картину происходящих изменений, связанных с феноменом «знание». Но движение, как указывал Гуссерль, обеспечивается не линейно, а «зигзагом», между двумя полюсами — духовным (миром идей) и практикой. Основываясь на таких принципах, метод или парадигма «история идей» самым органичным образом сочетается с теорией изменений.

Несколько обыденно звучит еще один аргумент в пользу истории идей в «законе Макса Планка». Автор резюмирует следующее: «важнейшая причина теоретических инноваций и смены парадигм — смерть ведущих исследователей». Приход новых людей в науку сопровождается привнесением новых теорий. Чтобы разобраться в постоянно растущем многообразии описательных и объяснительных моделей, необходимо их упорядочивать, в том числе и в историко-хронологической последовательности. По мере все увеличивающегося теоретического «наслоения», как пишет В.В. Ильин, возрастает необходимость нового обращения к классической науке, к философским истокам знания. Самая отдаленная по времени идея несет огромный блок информации, как об объекте познания, так и о субъекте, и об исторической реальности в прошлом, настоящем и в возможном будущем.

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. С. 30, 31.

² Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Пер. с нем. под ред. О. А. Сердюкова. Новочеркасск: Сагуна, 1994. С. 93–94.

Изучать историю идей означает изучать историю отношений в системе взаимовлияния знания и реальности. А изучать социальные изменения – означает поэтапно фиксировать направления смещений в количестве и качестве знаний, в их принадлежности и доступности для различных социальных слоев и групп, в результативности их использования, что, собственно, и является предметной областью социологии знания. Поскольку до сих пор невозможно определить, от чего или от кого больше всего зависит факт влияния знания на происходящее в обществе, то приходится постоянно держать в поле зрения все этапы истории, которые были отмечены актуальностью той или иной идеи или трансформацией ее в теорию, идеологию и практику.

Практически все работы, посвященные проблемам знания и познания, начинаются с исторического обзора или анализа теоретических моделей, применяемых в этой области. Объяснить такую традицию можно тем, что знание, в отличие от прочих результатов или продуктов социальных процессов, обладает надактуальным свойством. Любое знание в качестве прошедшего отбор «обогащенного осколком» истины, не может устареть, изжить себя или быть замененным на другое знание. Просто какая-то его часть используется в одном контексте или в сочетании с одними фактами, другая часть – в других контекстах и с другими фрагментами реальности.

Независимо от того, в рамках какой парадигмы рассматривается «идея», существует прямая связь этого феномена со знанием. Идеи-эйдосы (духовные творящие начала) предваряют и организуют знания. Идеи в понимании естественнонаучной традиции, наоборот, формируются «на выходе» знаний в действия, являясь творческим преобразованием сознательных форм в поступки. Идеи-теории в качестве абстрактных моделей служат для логической организации знаний и для перевода знаний, информации, ощущений и априорных образов в новые знания. Идеи реферируются и фиксируются в историческом контексте с помощью текстов мыслителей, философов, исследователей-теоретиков и практиков, людей искусства и всех других людей, способных запечатлеть свои идеи.

Обращает на себя внимание антиномичность в названии этого метода. Понятие «идея» как теория, мировоззренческая позиция по отношению к исследуемому или наблюдаемому объекту относится к трансцендентной и (или) мыслительной и образной сферам. «История», особенно в ее естественном определении, понимается как «последовательность событий, происшедших в обществе». При этом акцент делается на «деяниях»¹, т. е. реально произошедших событиях. Тот факт, что даже самые эмпирически подтвержденные теории (идеи) получили опровержение, закрепляет за «идеями» свойства изменчивости, модальности, что противопоставляется фактически свершившимся деяниям в истории. Антиномия в данном словосочетании заключается между свободой мысли и неопровержимостью свершившегося. Из этого следует, что выбранная в качестве исследовательской парадигмы «история идей» строится на сочетаемости методов. Знание как феномен, выходящий за рамки не только вещественного и природного мира, но и даже за рамки психики и сознания, требует к себе феноменологического подхода. В представлениях М. Шелера, подобный феноменологический взгляд на знание ведет к идеалистической философии. В то же время зависимость современных познавательных процессов от социальной иерархии и социального статуса индивидов свидетельствует о возможности структурно-функционального подхода к знанию.

Синтетический подход в социологии возродился к жизни в конце военных событий 40-х годов XX столетия. Удрученность антигуманными событиями военного времени толкала исследователей, по мнению П. Бурдьё, применять универсальные философские категории к анализу современных политических событий. Именно социологический анализ изменений позволял выявить особую связь интеллектуального и социального. Синтетического принципа исследования придерживался и Ю. Хабермас. У него также системный подход к обществу сочетался с гуссерлевской категорией «жизненного мира». Исследовательский подход на основе воссоединения противостоящих концепций утвердился окончательно как один из методов постмодерна, учитывающий как системные закономерности, так и спонтанность повседневной жизни.

Современные достижения в области социологии знания и в целом в социогуманитарных исследованиях позволяют формировать «историю идей» на принципах сочетания (синтеза, чере-

¹ Савельева И.М., Полетаев А.В. Социология знания о прошлом. М.: ГУ ВШЭ, 2005. С. 273.

дования) различных методов (например, естественнонаучного подхода и феноменологического). В общих чертах «история идей» предполагает следующие аналитические и синтетические процедуры и приемы:

- отслеживание хронологии появления и смен идей;
- учет биографических данных авторов идей;
- рассмотрение изменений и закономерностей развития идей в отдельных смежных научных отраслях и обобщение их в релятивистских концепциях, применимых в целом к социальным изменениям, процессам и явлениям;
- выявление тенденций, происходящих и прогнозируемых изменений в теории и практике;
- поиск аналогий, сходств и различий современных научных идей с идеями различных исторических периодов и эпох;
- использование герменевтических приемов анализа (Гадамер «Истина и метод»), поскольку все, что предстает из прошлого, находится в текстах, которые приходится подвергать прочтению-интерпретации:
- диахронический и синхронический анализы научной терминологии (появление новшеств в научной терминологии);
- привлечение к анализу так называемых «языковых преданий» (что пытались передать предки через мифы, легенды, древние письменные источники);
- обращения к авторским текстам;
- репродуцирование истолкований происхождения (этимологии) слов;
- сравнение понятий, которые образовались «естественно», вместе с самим языком, и терминов (слов, которые образуются искусственно), а также синонимических и антиномических лексических пар.

Современные исследователи предлагают считать «методом описания реальности» и метафору. Итак, одним из исследовательских методов, в частности для социологии знания, нами рассмотрен историко-генетический метод «история идей». Он представляет собой, по сути, сравнительно-исторический анализ оформления, корректировок и внедрений различных идей, знаний в жизнь людей и, одновременно, отражает характер изменений в обществах и в системах знаний через формирование отдельных понятий, в том числе, и в диспозиционных соотношениях, через систему антиномий, диссонансом, биполярных и амбивалентных конструкций.

Социальный капитал: методологические основания измерения и виды эмпирических исследований

Кизилова Ксения Александровна
*Харьковский национальный университет
им. В.Н. Каразина*

Последние два десятилетия социальный капитал как теоретический концепт и объект эмпирического исследования занимает одно из центральных мест в социологической науке. Постоянно растущий интерес к научному изучению социального капитала обусловлен большим потенциалом соответствующего ему концепта в объяснении многих явлений и процессов современной общественной жизни.

Измерение социального капитала является «слабым местом» этой концепции. Трудности, возникающие при измерении социального капитала, связаны с отсутствием общего представления о том, как именно, по каким критериям и используя какие показатели следует измерять социальный капитал. Следствием этого является наличие большого количества показателей, применяемых в качестве индикаторов при измерении социального капитала. Попытки измерить социальный капитал нередко приводят к смешению его источников и результатов. Большая часть того, что образует социальный капитал, существует в неявной или относительной форме, и лишает исследователей возможности простого измерения или кодификации¹.

¹ Градосельская Г.В. Сетевые измерения в социологии / Под ред. Г. С. Батыгина. М.: Новый учебник, 2004.

В современной социологической традиции представляется возможным выделить две методологические позиции, на основании которых происходят эмпирические исследования социального капитала¹.

Согласно первой позиции, социальный капитал может быть измерен непосредственно: он трактуется в категориях отношений и поведения, а в качестве его эмпирических индикаторов выступают характеристики последних. Техники непосредственного измерения социального капитала предусматривают следующие приемы:

- оценка уровня доверия и гражданского сознания в обществе;
- экспериментальные исследования поведения, проявления элементов доверия, солидарности в нем;
- статистика участия в организациях и объединениях.

Эмпирическая оценка социального капитала на основе его непосредственного измерения позволяет изучить преимущественно его структурные аспекты, но не содержательные (реляционные).

Согласно второй позиции, социальный капитал является функцией социальных структур — отношений и социальных сетей, — которая не может быть измерена непосредственно: индикаторами социального капитала являются качество социальных сетей, а также результаты, достижение которых они делают возможными.

Оценка уровня социального капитала на основании косвенных индикаторов предполагает наличие нескольких компонентов:

— оценка параметров сети, которая включает определение объема социального капитала на основе характеристик социальных сетей: их размера, однородности, плотности социальных связей и др. Подобный подход к измерению социального капитала позволяет формализовать качественные стороны социальных сетей и осуществить сравнительный анализ причин разной эффективности различных видов социальных сетей, однако его применение для оценки объема социального капитала на макроуровне, т.е. на уровне общества, является крайне затруднительным;

— оценка последствий; в качестве показателей объема социального капитала здесь рассматриваются последствия его использования. Так, высокий уровень доверия в обществе трактуется как предпосылка низкого уровня преступности и коррупции, а они, в свою очередь, рассматриваются как показатели большого объема социального капитала в обществе. Так же незначительность расходов, связанных со страхованием рисков и обеспечением выполнения обязательств в бизнес сообществах, рассматривается как свидетельство накопленного в нем социального капитала.

Еще один из способов оценки социального капитала основывается на измерении социальных дисфункций или отсутствия социальной кооперации. Ф. Фукуяма измеряет изменения в социальном капитале через изменение уровня преступности, распада семей и доверия. Рост преступности связывается с социальными отклонениями (рост антиобщественных проявлений, недостаток гражданского единства и т.п.). При таком подходе акцент делается на долгосрочных изменениях в установках и ценностях, что рассматривается как показатель изменения социального капитала. В то же время необходимо с осторожностью использовать показатели социальных дисфункций для измерения изменений социального капитала, так как полный перечень причин социальных катаклизмов далеко не всегда известен, а социальный капитал является лишь одним из потенциальных факторов².

Исследования, посвященные измерению социального капитала, можно условно подразделить на количественные, качественные и сравнительные.

Расчет социального капитала в количественных исследованиях базируется на вычислении индекса доверия, а также на подсчете числа групп (различных общественных организаций и членов, состоящих в этих группах в данном обществе), которые составляют индекс развития

¹ Коньков А.Т. Концепция социального капитала в современной социологии. Южно-Сахалинск: Издательство Сахалинского государственного университета, 2006.

² Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: пер. с англ. М.: АСТ; Ермак, 2004.

гражданского общества (уровень вовлеченности). Для расчета этого индекса используются статистические данные, такие, как информация о группе и о ее членах, от спортивных клубов и хоровых обществ до групп по интересам и политических партий, а также показатели степени политического участия: число участников голосования, читателей газет и др. Именно такие данные использует Р. Патнэм в своей работе по исследованию объема социального капитала в Америке¹.

Р. Патнэм, анализируя разницу в социальном капитале различных штатов США, активно использовал широкий круг моментных и панельных долгосрочных данных. Его оценки социального капитала основаны на сложном показателе, составленном из следующих элементов:

- 1) интенсивность вовлеченности в жизнь сообщества или организации;
- 2) общественная активность;
- 3) благотворительная и волонтерская деятельность;
- 4) неформальная социализированность;
- 5) уровень межличностного доверия.

По данным Р. Патнэма, в США доверие тесно коррелирует с другими показателями социального капитала: гражданской активностью и социальными связями. Все это позволяет сделать вывод о том, что в отсутствие более широкого и полного набора показателей уровень доверия можно использовать как главный показатель социального капитала.

Тестирование респондентов на предмет доверия к окружающим проводилось в ходе Всемирного исследования ценностных ориентаций (World Values Survey 1981, 1991, 1996, 2005 гг.), представляющего собой набор репрезентативных национальных обследований, охватывающих 65 государств. В ходе этих исследований респондентам был задан вопрос: «В самом общем плане, считаете ли Вы, что большинство людей заслуживают доверия, то есть не следует быть чрезмерно осторожным в общении с людьми?» Ответы показали большую разницу в уровне доверия к людям, причем межстрановые различия оказались достаточно устойчивыми во времени за период 1981–1990 гг. Также удалось выявить некоторые устойчивые тенденции по регионам, позволившие объединить страны в кластеры на основе единых культурных и ментальных факторов, определяющих уровень доверия в обществе. Следует отметить, что вопрос об общем уровне доверия к людям присутствует практически во всех ведущих мировых и европейских исследованиях (Всемирные и Европейские исследования по ценностям (WVS and EVS), Евробарометр (Eurobarometer), Европейское социальное исследование (ESS) и др.)².

Показатели доверия из исследования по ценностям С. Нэк и Ф. Киифер использовали как показатели силы гражданских ассоциаций в 29 государствах с рыночной экономикой для того, чтобы проверить два конкурирующих утверждения о влиянии социального капитала на экономическое развитие: «эффект Олсона» (ассоциации душат развитие путем погони за рентой) и «эффект Патнэма» (ассоциации поощряют развитие путем повышения доверия)³.

Д. Нараян и Л. Притчетт сконструировали единицу измерения социального капитала Танзании, используя данные «Опроса по социальному капиталу и бедности в Танзании». В этом крупномасштабном обследовании людям задавались вопросы о масштабах и свойствах их деятельности, связанной с ассоциациями, разного рода объединениями, об их доверии к различным институтам и личностям. Авторы соотносят уровень социального капитала с данными о доходах семей в этих же селах и приходят к выводу, что высокий уровень социального капитала на уровне села повышает доходы семей⁴.

Сложность в использовании результатов таких опросов заключается в отсутствии уверенности в том, что респондентами в разных странах, социальных группах и временных периодах однозначно воспринимались такие понятия, как «доверять», «большинство людей» и пр. Стоит также разделять понятие доверия ко всем людям вообще независимо от обстоятельств и дове-

¹ Putnam R. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. N.Y.: Simon and Schuster, 2000.

² Всемирное исследование по ценностям: <http://www.worldvaluessurvey.org/>

³ Knack S., Keefer Ph. Does Social Capital Have An Economic Payoff? A Cross-Country Investigation // *Quarterly Journal of Economics*. 1997. Vol. 112. No. 4. P. 1251–1288.

⁴ Narayan D., Pritchett L. *Cents and Sociability: Household Income and Social Capital in Rural Tanzania* / World Bank. Washington, DC, 1997.

рие к знакомым и близким людям. Определенная среда, условия и обстоятельства имеют решающее значение для принятия решения о доверии или недоверии.

В то время как доверие и гражданская активность во многом взаимосвязаны, существуют значительные различия в том, как принадлежащие к разным социальным группам индивидуумы выстраивают свои связи и отношения. Высокий уровень доверия в одной сфере может сосуществовать с ограниченным радиусом взаимодействия и доверия в другой. Таким образом, ни обобщенные показатели доверия, ни гражданская активность не могут служить абсолютно достоверным основанием качественной оценки социального капитала на макроуровне.

Что касается вывода некоей общей формулы для вычисления объема социального капитала, то Р. Патнэм предложил измерять его путем подсчета и суммирования различных групп в гражданском обществе. Эта сумма обозначается числом n , которое изменяется во времени t и характеризует членство в различных общественных организациях (в профсоюзах, спортивных клубах, лигах, литературных, молодежных обществах, политических клубах, национально-общественных объединениях и т.д.). Также учитывается и доверие — gr . Если доверие распространяется на всю группу, то коэффициент gr составляет 1. Однако большие группы с внутренней иерархией могут иметь большую величину n и низкий коэффициент gr . В то же время какое-либо религиозное или неформальное движение, которое поощряет честность и надежность в деловых отношениях не только между членами самой группы, но и за ее пределами, может иметь gr больше 1. Поэтому для уровня доверия гораздо более значимым является не размер той или иной организации, а социальные нормы, которые связывают индивидов¹.

Ф. Фукуяма для характеристики влияния групп на внешнюю среду вводит еще один коэффициент — радиус недоверия (rn), характеризующий внешнее впечатление общества о той или иной группе (общественной организации). В частности, высоко дисциплинированная и хорошо организованная группа с экстремистскими взглядами будет иметь высокое значение n и gr , близкое к 1, и низкое значение rn (например, Ку-Клукс-Клан, мафиозные структуры или террористические организации)².

Таким образом, формула для объема социального капитала может иметь такой вид³:

$$SC = \left(\frac{1}{rn} \right) \times rp \times c \times n$$

где SC — объем социального капитала,

n — количественный состав различных организационных групп в гражданском обществе,

c — коэффициент *меры единства* групп,

gr — доверие, характеризующее уровень *внутреннего единства и коллективного действия* группы,

rn — радиус недоверия как характеристика представлений общества о группе.

В ряде сравнительных исследований связи между уровнем социального капитала и уровнем экономического благосостояния различных иммиграционных сообществ в США было обнаружено, что некоторые группы живут лучше, чем другие благодаря социальной структуре обществ, в которые прибывают новые иммигранты. Общины, добившиеся успеха, способны предложить новоприбывшим неофициальные источники кредита и страхования, материальную помощь на детей, обучение английскому языку и рекомендации на работу. Менее успешные сообщества проявляют краткосрочную приверженность своей новой стране и менее способны предоставлять своим членам важные для них услуги⁴.

Примером качественного исследования социального капитала может быть изучение иммиграционных сообществ А. Портесом и Дж. Сенсенбреннером, которые изучали, что происходит с иммиграционными сообществами, когда некоторые из их членов добиваются экономического успеха и хотят покинуть общину. Интервью с этими членами позволили обнаружить давление,

¹ Putnam R. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. N.Y.: Simon and Schuster, 2000.

² Фукуяма Ф. *Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию*: пер. с англ. М.: АСТ; Ермак, 2004.

³ *Social Capital: A Multifaceted Perspective* / Ed. by P. Dasgupta, I. Serageldin. Washington: The World Bank, 2000.

⁴ Light I., Karageorgis S. *The Ethnic Economy* // Smelser N., Swedberg R. (eds.) *The Handbook of Economic Sociology*. Princeton University Press. 1994. P. 647–671.

которое на них могут оказывать прочные общественные связи; эти связи бывают настолько прочными, что некоторые из членов сообщества изменяют свои фамилии, чтобы освободиться от обязательств со стороны общины¹.

М. Фернандес-Келли на основе интервью и наблюдений за молодыми девушками в общинах городского гетто Балтимора обнаружила, что они испытывают сильное нормативное давление среды, вынуждающее их бросить школу, завести ребенка в подростковом возрасте и отказаться от официальной работы².

К измерению социального капитала наметились различные методологические подходы. В ходе массовых опросов наиболее широко распространенными индикаторами социального капитала является уровень общего доверия, вовлеченности и взаимодействия в процессе внутригрупповой и общественной деятельности, которые наиболее часто используются для сравнительного анализа. В качественных исследованиях более активно используется метод глубинного интервью. Наличие множества различных методик измерения социального капитала позволяет изучить различные аспекты социального капитала, однако существенно затрудняет проведение сравнительного анализа уровня социального капитала в различные временные периоды, в разных странах и сообществах.

Ситуационный анализ социально-трудовой сферы на предприятии: концептуальные основания³

Климова Светлана Гавриловна
Институт социологии РАН

Обратиться к концепту «ситуация» и связанным с ним методологическим и методическим требованиям к организации эмпирических социологических исследований нас заставила ограниченность инструментария, которым пользуется подавляющее большинство социологов-аналитиков. Как правило, материалом для обобщений и выводов служит лишь субъективная информация, данные опросов. Контекстные детерминанты поведения если и рассматриваются, то в ограниченном объеме, в зависимости от возможностей, желаний, эрудиции авторов анализа. Это приводит к осознанной или неосознанной манипуляции данными, и как следствие, к недоверию к социологическому знанию вообще. Такая ограниченность обусловлена, на наш взгляд, методологическими и методическими трудностями. Чрезвычайно трудно учесть и проанализировать весь комплекс переменных, да и непонятно подчас, что считать всем комплексом переменных.

В разработке методологии ситуационного анализа мы решили для начала ограничиться социально-трудовой сферой на предприятии. Во-первых, потому что предприятие и проблемная ситуация на предприятии имеет четкую локализацию в социальном пространстве и во времени (например, сокращение штатов или забастовка), и потому более удобна для отработки логики исследования и инструментария, чем другие. Ситуационным анализом здесь будет комплексное эмпирическое исследование, ориентированное на выявление, анализ и решение конкретной социальной проблемы, возникшей в сфере трудовых отношений на предприятии.

Чтобы создать принципы и формальные рамки ситуационного анализа, нужно придумать, как интегрировать объективные характеристики ситуации (например, размер и отраслевая принадлежность предприятия, ситуация на рынке, нормативные рамки деятельности) и субъективные данные, представленные множеством дифференциальных признаков, характеризующих поведение и феномены сознания участников, а также биографические данные. Такое исследова-

¹ Portes A., Sensenbrenner J. Embeddedness and Immigration: Notes on the Social Determinants of Economic Action // *American Journal of Sociology*. 1993. Vol. 98. № 6. P. 1320–1350.

² Fernandez-Kelley M. Social and Cultural Capital in the Urban Ghetto: Implications for the Economic Sociology of Immigration // Portes A. (ed.) *Economic Sociology of Immigration*. New York: Russell Sage Foundation, 1995.

³ Исследование ведется в рамках проекта 10–06–00033 «Методология и методы ситуационного анализа на предприятии», финансируемого РФФИ. Руководитель проекта — С.Г. Климова. Участники проекта: Н.В. Авдошина, В.Ю. Бочаров, И.А. Климов, М.А. Михеенкова, Б.Г. Тукумцев, В.К. Финн, В.А. Ядов.

ние — прикладная практическая задача. Но решить ее можно успешно, если изначально понимать, какие базовые принципы заложены в основу именно ситуационного подхода.

Впервые к понятию ситуации и возможностям ситуационного анализа в социологии обратились в начале XX века У. Томас и Ф. Знанецкий¹. В их работах обозначены три базовых элемента ситуации, которые авторы предлагают включать в анализ: объективные условия; установки индивидов, включенных в ситуацию и определение ситуации. В течение XX века эта базовая идея дополнялась, уточнялась, конкретизировалась исследователями разных направлений. Интерес к концепту «ситуация» возрастал, поскольку вызовом времени для социальных аналитиков стали неустойчивые процессы, неопределенность, поливариантность развития социума. Появились концепции, позволяющие детально описать элементы ситуации и механизмы взаимодействия агентов, ее конструирующих. В ряду этих концепций следует, в первую очередь, упомянуть теорию фреймов И. Гофмана, который, полемизируя с У. Томасом, подчеркивал, что субъективность конструирования социальной ситуации не следует преувеличивать. Определения ситуации создаются не произвольно их участниками, а нормативно определенными структурами взаимодействий (контекстом), которые существуют дольше, чем конкретная ситуация. И. Гофман ввел в научный оборот понятие «фрейм» именно для того, чтобы обозначить, что у действующего индивида есть рамки, ограничивающие его произвол в определении ситуации. Фреймы организованы в системы фреймов (frameworks, гофмановское именование метаконтекстов). Среди систем фреймов «онтологическим приоритетом» обладают первичные или базовые системы фреймов, которые подразделяются на природные (природный метаконтекст) и социальные (социальный метаконтекст). Для ситуационного анализа важно наблюдение И. Гофмана о рекурсивном характере фрейма². Рекурсивность означает, что фрейм устойчив даже в своей изменчивости. Каждому эпизоду человеческой деятельности свойственна продолжительность: ценностно-нормативные представления (концептуализации), сопровождающие эпизод жизни, заключенный в рамки фрейма, существовали до начала эпизода и продолжают существовать после его завершения. А это значит, что человек всегда будет стремиться к тому, чтобы увязать прежний и новый опыт, знания, оценки. Описания ситуации помещены в определенную рамку («Как должен вести себя человек моего положения, оказавшийся в подобной ситуации»), а значит, нормативно обусловлены. Однако человек — не калька существующей здесь и сейчас нормативной системы. Он всегда стремится сохранить идентичность, а значит, встроить в определение ситуации собственные, усвоенные в ходе предыдущей социализации смыслы. Эти смыслы включают в первую очередь представления о себе и других людях, составляющих его социум в данный момент биографии.

Соображение о том, что при анализе социальной ситуации следует принимать во внимание природный и социальный контекст, означает, что важны не только субъективные смыслы социальных действий, но и зависимость тех или иных смыслов от объективных условий деятельности субъектов.

Также полезна для нашей задачи концепция «трех миров» К. Поппера, который предлагает различать ситуацию как представление действующего и ситуацию «как она есть» (и то, и другое, разумеется, предположительно). При этом и физический, и социальный аспекты должны учитываться в совокупности, если это нужно для объяснения проблемной ситуации³.

В полипарадигмальном пространстве современной социологии продуктивными для ситуационного анализа являются некоторые базовые положения активистской парадигмы в социологии. Прежде всего, следует упомянуть **теорию социального становления П. Штомпки**. Он выделяет три уровня социальных процессов и три состояния социального становления. Высший уровень — структуры, которые рассматриваются как эмерджентные межсубъектные сети, автономные по отношению к агентам. Структуры, как регулярно воспроизводящиеся «наборы» пра-

¹ Томас У., Знанецкий Ф. Методологические заметки / Американская социологическая мысль: Тексты. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 193–194.

² Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / Пер. с англ. под ред. Г.С. Батыгина, Л.А. Козловой. М.: ИС РАН; Фонд «Общественное мнение». 2004. С. 384.

³ Верлен Б. Объективизм Поппера и метод критического рационализма // Социологическое обозрение. Т. 2. № 4. 2002. С. 9, 19–20.

вил и ресурсов, проявляются в памяти индивидов в виде «отпечатков» социальной практики и отличаются «отсутствием субъекта». Агенты (низший уровень), в свою очередь, относительно независимы, их действия не полностью предопределены структурами и даже могут противостоять им (мобилизация для инноваций или протеста). Дуализм агентов, поясняет П. Штомпка, «можно рассматривать по принципу комплементарности, имея в виду, что «свойства агентов являются и продуктами структур, и ресурсами для их построения»¹. На среднем уровне (реальности социальных процессов) происходит взаимодействие структур и агентов, образуя цепь событий (эвентуализация), практики взаимодействия.

Для ситуационного анализа важна трактовка времени П. Штомпки, которую он дает в книге «Социология социальных изменений». Он рассматривает «общие свойства времени как измерителя любого социального феномена» и «специальные характеристики времени как аспекта социальных изменений». Различая «количественное» и «качественное» время, П. Штомпка пишет: «В социальных изменениях время проявляется в двух ипостасях. Оно может служить внешней рамкой для измерения событий и процессов. Это — количественное время. Качественное время «связано с социальными изменениями как внутреннее, имманентное, онтологическое свойство событий и процессов». «Качественное время» определяется природой социальных процессов. Это «время в событиях», т. е. то, что в социологии обозначается термином «социальное время»². Анализируя «временные ориентации» агентов, П. Штомпка различает несколько аспектов: (1) уровень осознания времени (озабоченность либо пренебрежение временем); (2) глубину осознания времени (важность краткосрочной и долгосрочной перспективы); (3) форму, или вид времени — циклическое или линейное; (4) ориентацию на прошлое или будущее (традиционалистская или футурологическая); (5) интерпретацию будущего, к которому можно подходить либо как к чему-то, что нужно принимать пассивно, либо к чему-то, что надо активно конструировать; если первое предполагает согласие и адаптацию, то второе — планирование и формирование; (6) ориентации на изменения, новизну и прогресс, либо предпочтение повторяемости, сходства и порядка. По мнению П. Штомпки, правила (нормативные ожидания) относительно времени структурно встроены в более широкую сеть правил социальных нормативных систем.

Время в ситуационном анализе фигурирует как одна из основных аналитических переменных, поскольку принципиально важно, в каком пространственно-временном масштабе исследователь определяет социальную ситуацию, определяя ее начало и конец; полагая ее устойчивой или «той же самой». В определении ситуации ее участниками важны, в терминологии П. Штомпки, качественные параметры времени: нечто происходит одновременно, быстро, преждевременно, с опозданием и пр. Здесь могут быть зафиксированы важные точки несовпадений в мнениях участников событий, и, соответственно, в определении причин происходящего.

Важная для ситуационного анализа и идея субъектности. П. Штомпка предлагает для эмпирического анализа универсальную модель INIO³. Согласно этой модели, любую социокультурную общность можно проанализировать, принимая во внимание четыре измерения: «I» — идеологии, системы ценностей, «N» — нормативную систему; второе «I» — интеракции (вертикальные, горизонтальные, сетевые); «O» (opportunity) — социальный ресурс групповых и индивидуальных субъектов. Эта идея лежит в русле современных социальных теорий активистского направления, которые видят в человеке активного субъекта собственной жизнедеятельности (А. Турен, П. Бурдьё, Э. Гидденс, Ю. Хабермас) и побуждают анализировать «деятельный потенциал» субъектов, обусловленный, в частности, наличием некоторого набора ресурсов — естественных (материальных), институциональных, личностных.

Здесь для нас важно то, какими персональными и социальными ресурсами располагают агенты, включенные в ситуацию. Одни имеют власть, деньги, связи, и потому способны навязывать правила. Другие не имеют таких ресурсов, и потому вынуждены подчиняться. В трудовых отношениях ситуация «начальник сильнее, потому что он обладает всеми перечисленными ресурсами», не

¹ Штомпка П. Социология социальных изменений / Под ред. В. Ядова. М.: Аспект-Пресс, 1996. С. 272.

² Штомпка П. Социология социальных изменений. С. 52.

³ Штомпка П. Социология социальных изменений. С. 28–30.

всегда очевидна, потому что у работника тоже есть ресурсы. Это профессионализм и солидарность. Другое дело, что работники не всегда умело пользуются этими ресурсами, но это как раз и может быть предметом социологического анализа.

Теорией, способной прояснить вопрос о том, как в ситуационном анализе исследователь может учесть многочисленные элементы ситуации и составить внятную историю возникновения, развития и разрешения какой-то социальной проблемы, является **теория становления правил Т. Барнса и Е. Флэм**, в которой сделана попытка совместить структуральный и активистский подходы. Здесь описывается механизм возникновения и изменения систем правил которые, согласно изложенным выше теориям, являются важнейшими элементами ситуации и, соответственно, объектом анализа для исследователя.

В рамках этой теории индивиды, группы, организации, сообщества рассматриваются как социальные субъекты, «продуцирующие и проводящие в жизнь системы социальных правил»¹. Индивиды, хотя бы частично социализированные, интернализуют социальные структуры именно как системы правил. Проблема в том, что акторы часто придерживаются разных систем правил, противоречащих друг другу; по разному понимают и истолковывают одни и те же правила. Поэтому нормы, законы, организационные принципы могут быть и источником конфликтов, и основой согласия. Одни акторы стремятся реформировать системы правил (СП), другие сохранить их². Разное отношение к правилам определяется не столько личностными особенностями акторов, сколько их встроенностью в социальные организации, которые создают разные режимы правил. Социальные роли управляют поведением акторов, заставляя их подчиняться определенным режимам правил. Соответственно, проблемная (конфликтная) ситуация — это следствие пересечения (intersecting) и множественности СП, а также усилий акторов изменить правила. Правила принимаются тогда, когда возникает консенсус или легитимация правил и СП, а также тогда, когда имеет место принуждение к соблюдению правил. Социальная власть (Power) и насилие — главные факторы в формировании и реформировании правил и СП.

Применительно к ситуационному анализу на предприятии теория правил обращает внимание исследователей на значимость культурных особенностей данной организации, вытекающих отсюда режимов правил и особенностей управленческих и других регулирующих социальных институтов, каковые, с одной стороны, сегодня традиционно жесткие, а с другой — амбивалентны и слаболегитимны. Функции институтов и режимов правил в конкретных организациях выполняют фоновые практики. В условиях ситуативных влияний и неопределенности режимов правил значимыми являются характеристики акторов: их знания, осведомленность, властные ресурсы, роль во взаимоотношениях, возможности контроля над ресурсами. Важна информация о конкретных решениях и действиях акторов. Это, например, действия, поддерживающие или меняющие культурные рамки, системы правил, механизмы формирования групп и социализации акторов. В прикладном исследовании на предприятии это законы и инструкции; система санкций и система обучения персонала, особенно управленцев разного уровня (их «социализация»). Теория становления правил позволяет классифицировать правила на:

- заданные извне организации правила, ограничения таких-то действий и внутриорганизационные правила;
- классифицирующие и дескриптивные (позиции акторов, типы взаимодействий, ролевые функции, следствия взаимодействий);
- проспективные, предписывающие нормы взаимодействия и ценностно-нагруженные (цели, идеалы);
- организационные и технические;
- формальные, официальные и неофициальные, «неписанные» правила;
- метаправила, т.е. поддерживающие «режимы правил».

Факторы, поддерживающие следование правилам, — это законы и подзаконные акты; нормы, сопровождаемые санкциями; взаимное согласие, контракт; общественное мнение.

¹ Burns T., Flam H. The Shaping of Social Organization: Social Rule System Theory with Application. London: Sage, 1987. P. VIII.

² Ibid. P. IX.

В соответствии с теорией становления правил, важно понять, какие режимы правил используются реально в данной ситуации и не следует ли их заменить. Важен и такой параметр как предвидимые и непредвидимые следствия нарушения режимов правил во взаимоотношениях. Их можно фиксировать по характеру и численности рядовых и неожиданных конфликтов, по уровню солидаризации-дезинтеграции статусных групп и их сообществ.

При анализе конфликтной ситуации, руководствуясь идеями Т. Барнса и Е. Флэм, следует учитывать в структуре противостояния, помимо интересов сторон, несогласованность правил, а также применяемые режимы побуждения к исполнению правил (убеждение, санкционированное принуждение, не санкционированное принуждение). Заметим, что принуждение нелегитимное в этой концепции не упомянуто.

Еще одним элементом становления и изменения режимов правил являются взаимодействия и отношения между акторами, которые описываются как сотрудничество либо конкуренция; мирные – конфликтные; инструментальные – экспрессивные; добровольные – вынужденные (по обязанности); светские – связанные с религиозными нормами. Сами взаимодействия описываются в бинарных оппозициях как: иерархические – неиерархические; интимные – дистантные; формальные – неформальные.

Идеи Т. Барнса и Е. Флэм продуктивны для эмпирического анализа правил и режимов правил, а также механизмов их изменения.

Концептуальные основания для поиска переменных, характеризующих механизм определения ситуации субъектами, в неё включенными, формирующих и изменяющих правила, мы находим в когнитивной социальной психологии. В известном учебнике Я. Щепаньского, вышедшем еще в конце 1960-х годов, утверждалось, что общественную жизнь можно рассматривать как «непрерывный ряд ситуаций, в которых люди встречаются, воздействуют друг на друга, что-то сообщают друг другу, чего-то требуют друг от друга, стараются оказать какое-то влияние на поведение других, получить от них что-то и т. д.». При этом Я. Щепаньский подчеркивал, что «каждая встреча с другими людьми — это новая ситуация. Прежде чем что-то сделать в этой ситуации, мы должны ее определить: есть ли это, например, совещание, или дружеская беседа, или требование чего-то». То есть, **определение ситуации** необходимо для применения соответствующего образца деятельности и поведения. В свою очередь образец — «это способ поведения, признанный «нормальным» в данной ситуации, или, лучше сказать, диапазон поступков, признанных допустимыми и нормальными в данной ситуации»¹. Определение ситуации — это не установление фактов, а их истолкование. Чтобы действовать, люди как-то понимают (более или менее адекватно), где они находятся, с кем взаимодействуют, ради какой цели, чего ждут от них, чего следует ждать от других. То, как человек определил ситуацию, во многом определяет его поступки. Но само определение ситуации детерминируется не только и не столько феноменами сознания. Американские социальные психологи Л. Росс и Р. Нисбетт сформулировали три основные идеи о детерминантах социального поведения в целом и определения ситуации, в частности.

Первая идея — это положение о сильном детерминирующем влиянии на поведение непосредственной ситуации, в которой находится человек. Это влияние может быть не всегда сильным и очевидным, но предопределившим действие. Идея о силе и не всегда очевидном характере влияния ситуации на поведение приводит к выводу о том, что изменение параметров непосредственной социальной ситуации может влиять на поведение сильнее личностных особенностей актора. Эта идея берет начало в экспериментах «отца» ситуационистского подхода в социальной психологии К. Левина, предметом особого интереса которого была способность ситуационных факторов и социальных манипуляций влиять на поведение, которое традиционно принято считать отражением личностных диспозиций и предпочтений.

Вторая идея касается субъективной интерпретации (construct) и ее влияния на поведение человека. По мнению Л. Росса и Р. Нисбетта, субъективная интерпретация не является ни зеркальным отражением внешней ситуации, ни продуктом произвольного «конструирования ре-

¹ Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М.: Прогресс, 1969. С. 53.

альности» познающим субъектом, а представляет собой результат именно взаимодействия между человеком и ситуацией.

Здесь важна идея о том, что масштаб социальной ситуации в ее онтологическом плане не то же самое, что в ментальном. Субъект регулирует свое социальное поведение, руководствуясь *собственным* пониманием и восприятием ситуации, но его понимание не произвольно, а задано одновременно и контекстом (ситуацией в онтологическом плане), и личностными (в том числе когнитивными и ценностными) особенностями.

Третья идея касается конфигурации сил, которые действуют в тех социальных системах, частью которых является субъект. Л. Росс и Р. Нисбетт, говоря о том, что некоторое поведение представляет собой «результатирующую действия множества сил», вводят понятие «**напряженные системы**». Это значит, что некоторые «силы» подкрепляют друг друга, а некоторые противостоят друг другу. В этом «балансе» участвуют не только индивид с его диспозициями и вовлеченностью в деятельность и ситуация, но и групповые нормы. Носители этих норм могут подвергать индивида, демонстрирующего ненормативное поведение, санкциям. Эти предполагаемые или реальные санкции могут оказать гораздо большее влияние на поведение, чем возможность получить какие-то выгоды из-за ненормативного поведения. Эта идея перекликается с размышлениями о значимости такой аналитической переменной в социологическом анализе ситуаций как ресурсы субъектов в нее вовлеченных. Но Л. Росс и Р. Нисбетт обращают внимание на то, что взаимодействие субъектов, обладающих разными ресурсами и имеющих не всегда и не во всем совпадающие цели, создает напряжение в системе взаимодействия, и это напряжение может сохраняться либо до того, момента, когда она распадется, либо до момента конфликта¹.

Концепт «напряженных систем» связан с понятием «квазистационарное равновесие» в теории поля К. Левина. Речь идет о том, что неразрешенная проблема вызывает напряжение в кажущейся статичной ситуации (например, никто не бастует, но недовольство растет). Такое квазистационарное равновесие возникает потому, что стимулы и силы, направленные на изменение, сталкиваются со стимулами и силами, ориентированными на сохранение. Когда же изменение все-таки происходит, его результаты часто приобретают лавинообразный характер, поскольку высвобождаются мощные силы, уже до этого существовавшие внутри системы («русский бунт бессмысленный и беспощадный»).

Идею «напряженных систем» можно дополнить и переосмыслить в контексте «проблемной ситуации» разной степени вовлеченности акторов в неё. Известно, что ситуация становится проблемной тогда, когда все её участники осознают наличие неразрешенного противоречия, начинают спорить, обсуждать, конфликтовать по поводу положения дел. Теория Лорана Тевено² позволяет осмыслить многообразие «*режимов вовлеченности*» (*engagement*) в события: непосредственное участие, близость, сочувствие, безразличие. Важно, что Тевено акцентирует внимание на способах взаимодействия между людьми в проблемной ситуации, координации действий с перспективой перехода от режима «внутреннего дела» к публичности (В нашем случае, например, когда конфликт между работниками и руководством становится предметом обсуждения в СМИ).

Таким образом, теоретическая триада в концепции Л. Росса и Р. Нисбетта выглядит следующим образом: ситуационизм, субъективизм, динамизм напряженных систем. Именно на этих трёх «китах» должно, по их мнению, строиться эмпирическое исследование.

Анализ этих и других концепций позволил создать модель ситуационного анализа на предприятии, которая в общем виде выглядит следующим образом. Та или иная социальная проблема (например, нехватка квалифицированных кадров) на предприятии возникает в определенном контексте. **Контекст** — это сочетание природных (географических), экономических, политических и культурных условий. Коллектив производственного предприятия работает в условиях,

¹ Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Уроки социальной психологии / Пер. с англ. В.В. Румынского под ред. Е.Н. Емельянова, В.С. Магуна. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 50–51.

² Тевено Л. Креативные конфигурации в гуманитарных науках и фигурации социальной общности // Новое литературное обозрение. 2006. № 77. С. 285–313.

определенных общегосударственными законами, конъюнктурой рынка, расположен в месте (регионе) с некоторыми природными и культурными особенностями. На данном предприятии в данном контексте происходит **событие**, которое ставит под вопрос привычный порядок взаимодействия. Ситуация имеет главное событие, которое упоминается участниками. Например, для ситуации нехватки квалифицированных кадров — это организационно-технологические нововведения. Главному событию предшествуют некоторые процессы, его порождающие или стимулирующие. Эти процессы или события мы называем **эвентуальной предысторией ситуации**. Собственно **ситуация** — это цепь событий, включающих взаимодействие и взаимосвязь между действующими лицами; действующих лиц со средой и общий смысл, который участники взаимодействия придают ситуации. Ситуация имеет событийные рамки (с чего началось и чем кончилось, если кончилось к моменту исследования); эпизоды (что случилось по порядку). Ситуация имеет **временные параметры** — количественные (как давно началось нечто, как долго продолжается) и социальные (озабоченность теми или иными параметрами времени, выраженные в категориях «преждевременно», «запоздало», «слишком медленно» и пр.). Ситуацию все, в неё включенные, как-то интерпретируют, исходя из своих интересов, сферы компетенции, ценностного отношения к ключевому событию (в нашем примере, нужны ли нововведения на данном предприятии вообще). Эти интерпретации — элемент анализа, который мы называем **«определение ситуации»**. Но ситуация определяется не только с позиций интересов и ценностей, но и с учетом **нормативных параметров** — формальных и неформальных правил, действующих в ситуации. Правила описываются по следующим параметрам: жесткость – гибкость; принятие – нелегитимность; консенсусное отношение к правилам – конфликтное отношение; система обучения правилам; формальные – неписаные правила; режимы побуждения к исполнению правил; согласованность правил и интересов отдельных групп акторов. Влияние нормативных параметров может быть усилено или ослаблено субъектами ситуации — людьми, коллективами, институтами (собственник, местная власть, профсоюз, инспекция по труду), способными придать тот или иной импульс, то или иное направление ходу событий. Степень влиятельности зависит от **ресурсов социальных субъектов** — средств, позволяющих изменить ход событий, препятствовать намерениям других субъектов, вовлеченных в ситуацию. Социальными ресурсами принято считать деньги, власть, знания, солидарность. Однако степень мобилизации ресурсов зависит от **режима вовлеченности в ситуацию** — дистанции субъекта от событийной канвы ситуации (непосредственное участие, близость, сочувствие, безразличие).

Комплексный подход к анализу социальной ситуации на предприятии, по замыслу авторов, позволит (1) выделить комплекс значимых объективных и субъективных параметров социальной ситуации; (2) сформировать систему признаков и индикаторов, позволяющих сравнивать динамику развития социальных процессов на предприятии, ситуацию на разных предприятиях, имеющих один и тот же базовый признак (например, отраслевую принадлежность); (3) определить силу влияния множества разных факторов на развитие ситуации с использованием ситуационного расширения ДСМ-метода автоматического порождения гипотез (авторы В.К. Финн и М.А. Михеенкова), позволяющего порождать каузальные зависимости с учетом ситуационных параметров.

Методы анализа культурных феноменов и ксенофобии в этнической социологии: валидность современных исследовательских практик

Маликова Наиля Рамазановна, *РГГУ*

Объектом исследования современной этнической социологии больше не является этническая общность в целом, что предполагало необходимость привлечения системного подхода и реализации структурно-функционального анализа *«социального в этническом, этнического в социальном»*, по Ю.В. Арутюняну. Социологические интерпретации основывались на анализе данных переписей населения, текущей статистики, репрезентативных опросов с преобладанием количественных методов в исследовательских практиках.

В постмодерне объектом исследований стала глобальная и одновременно фрагментарная этноглокальная, постоянно изменяющаяся, «текучая» *мультикультурная социальная реальность*.

В «предметное поле» зрения исследователей вошли новые парадоксальные этносоциальные явления и этнокультурные феномены. Сегодня характерно отсутствие общих теоретических парадигм, участились ссылки на реализацию «мультипарадигмального» подхода. Сильно тяготение к привлечению социально-психологических концепций и методов в исследовании этнической идентичности, ин/толерантности, ксенофобии.

Этот методологический поворот был подготовлен концепциями этноцентризма и этнического национализма, начиная с У. Самнера. Затем концептуальные идеи Э. Геллнера, Дж. Армстронга, Дж. Берри, Б. Андерсона, Э. Смита привлекли внимание к особой значимости субъективных аспектов межэтнической коммуникации. Институциональный подход Р. Брубейкера привлек интерес к тому, как происходит этнокультурная демаркация не только в институтах образования и культуры, но и в социальных практиках повседневности.

Как известно, именно культура задает нам когнитивную матрицу, для понимания мира, так называемую «картину мира». Социально культурные феномены «этноцентризма» и «этнической стереотипизации» позволяют воздействовать на межгрупповую дистанцию и делать более гибкими межгрупповые границы посредством контроля над содержанием межэтнического культурно-информационного обмена. Они всегда эксплицированы, порождают различного рода фобии, направленные на иные группы, с которыми осуществляется межкультурные контакты. Американский социолог Л. Гринфелд, сосредоточив свое внимание на понятии «обида», которое соотносимо с понятием «фобии», выявила, что при этом стремление к имитации достижений сочетается с отталкиванием от ценностей приносимой идеи. Многие актуальные теоретические исследования опираются на работы К. Дейча, подчеркнувшего, что именно культура есть конфигурация предпочтений и ценностей людей. Исследованиями Д. Берри и М. Плизента по этнической толерантности, а также наших коллег Л. Дробичевой, Г. Солдаковой, Н. Лебедевой, Т. Стефаненко, В. Гриценко, З. Сикевич, Л. Почебут, С. Рыжовой и др. было установлено, что только позитивная групповая идентичность приводит к толерантности. Распространение негативной идентичности порождают рост интолерантности и ксенофобии.

Сложность организации научного поиска и интерпретации результатов анализа этнической ксенофобии заключается в многозначности понятия, проявляющегося во множестве социально-культурных и социально-психологических феноменов в социальных практиках повседневности.

Обозначим, для начала, некоторые культурные феномены, предстающие в качестве символических социально-психологических конструктов, маркирующих ксено/этнофобию. Попытаемся дать дескриптивную (описательную) интерпретацию некоторых социально-культурных феноменов, определяющих символические значения границ ксено/этнофобии, ин/толерантности. Феномен культурной диффузии характеризуется принятием или отторжением культурных новаций от другой культуры. Феномен культурного взрыва проявляется в разной степени готовности к взрывному характеру социально-культурных изменений и ценностям модернизации. Феномен закономерности культурной эволюции фиксирует, что расцвет культуры наступает после периодов культурной деградации и культурной диффузии. Феномен избирательности способов удовлетворения специфических социально-культурных потребностей предстает в ценностных ориентациях на определенные социально-нормативные системы и способы решения проблем межкультурного взаимодействия. Феномен авторитарного раболепия проявляется в низком уровне политической культуры, в склонности подчиняться авторитету, принадлежать государству, иметь/формировать социальный конструкт сильного вождя. Феномен этноцентристско-культурной авторитарной агрессии проявляется в этноцентристском неприятии равнозначности культурных миров и субкультур «чужаков». Феномен подавления социокультурного воображения проявляется институциональных запретах на игровые «фантазии», в процессе детской и подростковой социализации. Феномен негативной этнокультурной стереотипизации предполагает предрасположенность к мышлению в застывших категориях оценки и восприятия иных культур, к этническим, социокультурным предубеждениям и предрассудкам. Феномен оппозиционной пропаганды культа силы проявляется в стремлении оценивать социальные ситуации и людей в оппозиционных категориях: слабый – сильный, превосходящий – уступающий, вождь – последователи, с акцентировкой на мотивы «власти силы» в социальных отношениях. Феномен паралингвистической визуализации агрессивности в средствах массовой теле-

коммуникации (TV, Интернет). Феномен социально-психологической проекции комплекса негативной идентичности (социокультурной, конфессиональной, этнической) проявляется в тенденции проецировать подавленные импульсы агрессии на других, незначимых чужих в межкультурной коммуникации. Феномен пуританского интолерантно-ксенофобного морализаторства проявляется в публичной демонстрации сильного желания наказания нарушителей норм традиционной культуры, представителей молодежных и иных субкультур. Феномен социокультурной адаптивности в межкультурной коммуникации проявляется в уровне принятия доминирующих ценностей референтной культуры, высокого уровня социальной активности, уверенности в позитивности социальных отношений, планировании стратегии будущего, опираясь на собственные достижения и социокультурный потенциал. Феномен социокультурной конформности проявляется в ориентации на социальное одобрение, зависимость от культурных стандартов группы. Феномен социокультурной сегрегации и автосегрегации. Феномен депрессивного ожидания утраты смысла и ценностей жизни проявляется в невозможности реализовать свой уровень притязаний, связанный с дефицитом культурных, профессиональных компетенций, сопровождается пониженной самооценкой, инфантилизмом, беспомощностью перед жизненными трудностями. Феномен семантической вербализации ксенофобной лексики. Феномен расовой, этнокультурной стигматизации (демонизации, кретинизации) культурного облика иной, чужой этничности.

Попытка осмысления и логической содержательной интерпретации, каждого из этих феноменов, даже в первом, описательном приближении, уже предоставляет основу для формулировки и последующей верификации содержательных гипотез, как для уже реализованных, так и для будущих этносоциологических и этнопсихологических исследований.

Наметим основные теоретико-методологические подходы к анализу этих социокультурных феноменов. Многие из выше названных феноменов, маркирующих ксенофобию/этнофобию, можно интерпретировать, обратившись к анализу рисков «двусмысленных идентичностей» С. Бенхабиб, концепции «глокальности» Р. Робертсона. Ж.Ф. Лиотар также обеспокоен тем, что эпоха постмодерна разворачивает дискурс плюрализма на всю совокупность человеческого опыта — от стиля мышления до стиля жизни, задавая ориентации на культурный полицентризм. Однако существование в одном пространстве множества семантически и аксиологически не совместимых и взаимоисключающих тенденций способствует эффекту аннигиляции, уничтожая возможность появления интегрирующего смысла целеполагания солидарной жизнедеятельности.

Именно поэтому, при анализе путей преодоления ксенофобии, хотелось бы, привлечь внимание, к возможностям продуктивной интерпретации, с использованием концепции «социального капитала» (А. де Токвиль, Дж. Коулман, Р. Патнэм, П. Норрис, Р. Инглхарт, Л.Г. Почебут). Выявлено, что в сообществах со стабильной демократией выше уровень социального доверия и более высокие показатели компонентов социального капитала. Закрытость, изолированность, социально-культурная сегрегация/автосегрегация любых общин и малых групп, напротив, приводят к дефициту социального капитала и росту ксенофобии/этнофобий.

Обратимся к наиболее продуктивным методикам. Многие из них были успешно адаптированы и модифицированы отечественными этносоциологами и этнопсихологами. К ним относятся следующие известные методы и методики: тест Куна–Макпартленда, Д. Катца – К. Брейли, шкала социальной дистанции Э. Богардуса, концепция диспозиционной регуляции личности В.А. Ядова, а также методики психосемантики — техника репертуарных решеток, на основе теории личностных конструктов Дж. А. Келли, метод семантического (множественного семантического) дифференциала Ч. Осгуда. Более перспективна чем методика Рокича, на наш взгляд, «Методика ранжирования системы ценностей» С. Шварца и У. Билски. Хотелось бы обратить внимание на методику измерения этноцентризма, разработанную М. Стадниковым, который использовал идеи Т. Адорно, теорию социальной идентичности Г. Тэджфела и теорию социальной категоризации Дж. Тернера, с опорой на идеи Д. Мацумото. Продуктивно расширить спектр психологических методик в этносоциологических исследованиях ксенофобии, используя методику С. Баднера «Толерантность к неопределенности» (Budner, 1982), с включением проективных методик, методики рисунчатой фрустрации Розенцвейга; методики «Культурный шок»,

«ВИКТИ» («Виды и компоненты толерантности и интолерантности») и проективную методику «КЭТИ» («Кросс-культурная и этническая толерантность–интолерантность»), разработанные Г.Л. Бардиер.

Интересны методики разработанные Л.Г. Почебут: «Виды агрессивности» (на основе методики Баса–Дарки), в которой агрессивность рассматривается как проявление дезадаптации и интолерантности, «Тест культурно-ценностных ориентаций» (на основе теории Ф. Клакхон и Ф. Стродбека), «ПИК» («Показатели индивидуализма –коллективизма», на основе описания культурных синдромов Г. Триандиса).

Мы отметили наиболее продуктивные социологические и социально-психологические методы, привлекаемые в исследовательских практиках профессиональных этносоциологов и этнопсихологов. Однако зададимся вопросом насколько валидны используемые методы и адекватна социологическая интерпретация результатов исследований, полученных не только в академических исследованиях, но и в процессе вузовской образовательной подготовки в области этнической социологии?

При этом интерпретация (от лат. Interpretation — толкование) — это не только проблема методологии и логики научного познания, но и проблема социальной ответственности социолога. Интерпретация в этнической социологии — это концептуальное объяснение, при помощи которого социолог раскрывает взаимосвязь и иерархию существенных и не существенных этносоциальных фактов и явлений, позволяющих выявить как динамику этносоциальных изменений в реальной действительности, так и формирование идеальных конструкторов этнической идентичности, характер направленности их воздействия на социальную перспективу.

Интерпретация в социологии, прежде всего проблема и задача корректного обращения к зарубежным концепциям этничности и соответствующих им (практически ориентированных) методов и методик. Подчас вместе с заимствованной и не адаптированной западной методикой, заимствуются и «издержки» интерпретации результатов этносоциологического исследования. При этом задается определенная цивилизационная комплиментарность, умалчиваются выявленные латентные этносоциальные тенденции, проявляется наличие «двойного стандарта» оценок и выводов. Все это несомненно создает барьеры для макросоциального прогнозирования. Отсюда первый вывод: для интерпретации важно понятие «этносоциального контекста», социальной ответственности, методологической корректности и адекватности результатов ЭКСИ этносоциальным реалиям.

Задачи адекватной интерпретации этносоциологу задает само полиэтничное общество. Если только социолог не предпочитает «постоянно» получать задачи от субъекта властных полномочий или обладателя «специфически добытых» финансовых ресурсов. Это означает, что социолог должен а) понимать и уметь улавливать актуальные этносоциальные проблемы; б) осознавать как, в какой мере, в каком направлении этносоциологическое исследование может способствовать решению этих проблем. Вывод второй: конструктивная интерпретация в этносоциологии требует культивирования социологической чуткости и понимания определенной *«социально-политической ангажированности»* этнической социологии.

В методологическом плане, интерпретация в этносоциологии (в отличие от любых форм идеологической, политической пропаганды PR жестко требует: а) содержательного рассмотрения этносоциальных проблем; б) учета того, что новая социальная реальность порождает и необходимость новых акцентов в этносоциологических исследованиях. Вывод третий: высока вероятность плодотворности включения в социальный контекст этносоциологической интерпретации факторов внешнего воздействия: «этнополитической мобилизации» в условиях социума, одновременно и кризисного, и реформирующегося, с учетом фона различной динамики процессов модернизации и демократизации в разных этносоциальных средах и регионах.

Проблема интерпретации тесно связана с проблемой экстраполяции данных ЭКСИ на реальную этносоциальную жизнедеятельность. В отличие от социальной психологии, имеющей в качестве объекта исследования малые группы, для адекватной социологической интерпретации все еще особое значение имеет определение параметров выборочной совокупности. При исследовании динамики крупномасштабных этносоциальных явлений и социально-этнических процессов «выборка» должна быть сопоставима с медианой статистико-демографического «изме-

рения» компонентов этноса (1000 опрошенных). Исключением является опрос экспертов, модальных групп, фокус-групп, специально конструируемых социологом для исследования этносоциальных феноменов и специфических этнокультурных явлений. Можно отметить порочную практику экстраполяции социологических данных, полученных на микровыборках на большие совокупности, расширительную их интерпретацию, с конструированием умозрительных сценариев этносоциального и этнополитического развития. Вывод четвертый: интерпретация в этносоциологии, основанная на недобросовестной экстраполяции данных, полученных путем нерепрезентативной микровыборки, делает несопоставимыми результаты различных исследователей и ставит под вопрос статус их научности.

Как и в любом научном исследовании, та или иная интерпретация в этносоциологии может быть подвергнута критике и опровергнута этносоциальными фактами в новой концептуальной интерпретации. Поэтому такое значение имеет верифицируемость данных. Отсутствие валидности и принципиальная неверифицируемость данных ЭКСИ при анализе и интерпретации, верный признак непрофессионализма и избыточной идеологизации этносоциологического исследования, его иллюзорности и неадекватности этносоциальным реалиям, что отражается в попытках строительства «виртуальных этносоциальных отношений» и конструирования новых «этносоциальных мифологем». Настораживать должна и интерпретация результатов ЭКСИ, основанная на текстуальном описании ответов респондентов (по простейшим двумерным или одномерным распределениям), даже если текст оснащен обильным гарниром цитат из работ зарубежных социологов. Еще в большей степени неприемлем полный отказ от содержательной интерпретации, характерный для некоторых дипломных проектов, когда текст состоит из бесконечного цитирования содержания нарративов студентов, что пафосно именуется изобретением научным руководителем нового метода — этноавтобиографии. Пересказ гайдов семи, девяти, крайне редко двум десятков, так называемых глубинных интервью, данные опроса 65 респондентов, затем экстраполируется на большие этнические общности или этнодиаспорные группы. Отсюда вывод пятый: для достижения хоть минимальной социальной значимости результатов исследования, кредо социолога должно включать обязательное следование принципу верифицируемости.

Для интерпретации результатов этносоциологического исследования сохраняется фундаментальное значение метода «социального эксперимента» (как полевого, так и моделируемого). Имеется в виду дальнейшая разработка методик по типу эксперимент *ex post facto*. Он был модифицирован нами, с учетом принципа дополнительности Н. Бора. Продуктивно привлечение методов социального моделирования. Продуктивно также обращение к методологическим возможностям теории игр, дающие широкие возможности для углубленной интерпретации, на основе мониторинга региональных этносоциологических исследований. Вывод шестой: для более полной интерпретации экспериментальной проверке подлежит не только конкретная методика, проверяемая на микросоциальной группе, но и основные постулаты самой концептуальной интерпретации.

Встречаются иллюзии о могучей социально-преобразующей функции социологии, с позиций вульгарного социологизма, перефразирующие Риккерта, утверждая, что социологическое знание вообще и этносоциологическое знание, в частности, способно не отражать, а преобразовывать оформлять многофакторную и непрерывную этносоциальную действительность, на основе интерпретации «существенных» для социологии фактов. Позволю себе усомниться, что упомянутые акции по преобразованию и оформлению социальной действительности есть функции социологического знания, скорее это сфера: а) политической деятельности; б) либо программный тезис социально-политической идеологии. Разве что социологи коллективно уверуют, что «мы рождены, чтоб Кафку сделать былью». Очевидно, что при этом, велика вероятность того, что в целях очередного социального «преобразования», попутно занимаясь «этносоциальным и этнополитическим мифотворчеством» этносоциолог субъективно станет определять «существенность» фактов. Отсюда, вывод седьмой: что касается реальных способов методологического обеспечения этносоциологического исследования и интерпретации, адекватной социальной реальности, то они достижимы при следовании следующим максимам. Они возможны, не только на основе интуиции (вспышки пронизательности при формулировании генеральной и частных

гипотез), но на основе всестороннего предварительного изучения объекта и концептуального определения предмета этносоциологического исследования. Это потребует опоры на научные авторитеты, обращение к фундаментальным социологическим концепциям, адекватного выбора отечественных и адаптации западных методов и методик. Этносоциологический поиск можно выстроить на основе сложившихся отечественных исследовательских практик, имеющих свои плюсы и минусы. Можно при этом исходить и из общественного «здорового смысла», но могут иметь место и заблуждения «здорового смысла», о которых следует помнить. И, наконец, исследовательские практики должны все же следовать общеизвестным критериям научности: объективности, репрезентативности, валидности, верифицируемости. При опоре в этносоциологическом исследовании на качественные методы сбора социальной информации, столь же обязательно соблюдение процедуры триангуляции.

В заключение, отметим, что уже доказана продуктивность исследовательской стратегии, с опорой на возможности углубленной интерпретации этнокультурных феноменов в процессе интеграции этнологического, социологического и психологического дискурсов. Без комплексного теоретико-методологического подхода, без привлечения новых методов в исследовательских практиках искать пути преодоления ксенофобии проблематично.

Методологические проблемы изучения политического процесса в современной России

Михалева Галина Михайловна, *РГГУ*

Консолидированная (в понимании ведущих транзитологов) демократическая система и открытое общество, в понимании К. Поппера, предполагают многообразную подконтрольность властных институтов гражданам, свободу средств массовой информации и открытость в деятельности общественных организаций и граждан. Такая открытость позволяет получать, сопоставлять и анализировать информацию из различных источников, проверять гипотезы используя, в т.ч. и количественно измеряемые переменные, разрабатывая индикаторы и выстраивая шкалы. В современных западных (да и не только западных) политологических исследованиях все чаще можно видеть сложные математические выкладки для доказательства или опровержения выдвинутых гипотез, используются различные виды математического анализа. Математическое моделирование — один из распространенных методов политологических исследований¹. Большинство из используемых количественных методов при этом привнесены из других наук: экономики, социологии. И российские учебные пособия предлагают исследователям в области политических наук, хотя и с некоторыми оговорками, использовать регрессионные модели математического анализа². Конечно, трудно выделять измеряемые количественно параметры, индикаторы и выстраивать шкалы в применении к политическому процессу, когда речь не идет о естественным образом разделенных на части, элементы, счетные единицы, объектах (например, число голосов на выборах, количество проведенных мероприятий, акций и их участников, доля депутатов с определенным уровнем дохода на различных уровнях представительной власти и т. п.). Любая другая количественно измеряемая характеристика с интенсивностью проявления того или иного качества будет приписываемой исследователем, и поэтому всегда может быть оспорена, подвергнута сомнению. Приведем простой пример: традиционно высокий уровень доверия граждан к премьер-министру распадается при более внимательном рассмотрении на уровень поддержки (неподдержки) его действий по конкретным направлениям, симпатии (антипатии) к нему как к личности и т.д. Эти показатели могут существенно различаться, например, действия в области внешней политики поддерживаться, а антикризисные меры нет. Этодробление может идти и еще дальше: например, одобряться повышение пенсий и не одобряться поддержка отечественного автопрома. И так далее до бесконечности.

¹ См., например: Мангейм Д.Б., Ричард К.Р. Политология. Методы исследования. М.: Весь мир. 1997. С. 356–520; Джексон Д.И. Политическая методология: общие проблемы // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. М: Вече. 1999. С. 600–728.

² См.: Анохина Н.В., Макланова О.А. Прикладные аспекты анализа политических процессов // Политический процесс: основные аспекты и способы анализа / Под ред. Е.Ю. Мелешкиной. М.: Весь мир, 2001. С. 277–296.

Но если мы будем работать качественными методами, сочетая теоретические понятия и эмпирические категории, чтобы исследование было научным, мы должны определяться с объектом исследования, единицами наблюдения, определить сферу гомогенности, обуславливающую границу отбора случаев и переменные — зависимые и независимые. Но и в этом случае продвинутое исследование предлагает нам ввести принципы сопоставимости с использованием булевой алгебры¹.

Что касается «макрополитического» исследования, то в этом случае мы оказываемся в зависимости от базовых парадигм, идеологических конструктов, воспринимающихся как универсальные схемы объяснения политической жизни, задающие систему координат и, следовательно, структуру рассмотрения и объяснения. Исходя из либеральной, социалистической или консервативной² картины мира, мы по-разному будем объяснять происходящее и, соответственно делать разные выводы. Если мир стоит на трех слонах, земля плоская и вокруг нее вращаются небесные светила — это одно. Если Земля — одна из планет, вращающихся вокруг Солнца в бесконечной вселенной, — это другое. Из разных картин следуют различные, в том числе и практические выводы, в мореплавании, инженерии.

Точно так же и в политической науке. Можно обосновывать необходимость «суверенной демократии», а можно искать доказательства существования «развитого социализма» и «всесторонне развитой личности», подчеркивать своеобразие «российской цивилизации» или оценивать уровень развития демократии в России по критериям *Freedom House*. Исходные теоретические позиции будут определять и методы исследования, а во многом и результаты. Немецкие методологи Вильгельм Бюрклин и Кристина Вельцель разработали схему политологических элементов исследования, весьма полезную для понимания этой проблематики³.

Метатеории лежат в основе исследовательского процесса и различаются большим или меньшим использованием естественнонаучных или общественно-научных традиций. Вильгельм Дильтей связывал различие между естественными и общественными науками с противоречием между пониманием и объяснением⁴. «Понимающие» позиции связаны с формулированием теорий на уровне общих, генерализирующих понятий политической науки, как, например *власть, демократия, легитимность*. Они могут быть выражены онтологически, в связи с определенными этическими принципами, или диалектически, в связи с характеристиками развития общественной жизни. Исследование с этих позиций сталкивается с проблемой отношения между результатами познания и правдой, поскольку правда интерпретируется с определенных идеологических представлений об идеальном состоянии общества. Конечно, эта картина существенно различается с точки зрения социализма или либерализма.

«Объясняющие» позиции связаны с генерализацией наблюдаемых процессов и формулировании высказываний (гипотез) о типе взаимосвязи между наблюдаемыми характеристиками (переменными). Это направление жестко разделяет оценки и описание фактов, главными критериями исследовательского результата являются логическая непротиворечивость и эмпирическая проверяемость. При этом, однако, исследование рассматривается не как объективный, а как intersubjectный процесс. Значительная часть общественных феноменов не может напрямую наблюдаться и нуждается в интерпретации. Существуют и другие классификации; так, А. Соловьев выделяет теологическую, натуралистическую и социоцентристскую парадигмы⁵.

Следующая ступень — политические теории или теоретические подходы, которые фокусируют внимание наблюдателя на тех или иных характеристиках действительности, темах, определяют методы, которые выбираются для исследования. В литературе выделяются (перечисления различаются в зависимости от источника) историко-генетические, институциональные, би-

¹ Сморгун Л. Современная сравнительная политология. М.: РОССПЭН, 2002. С. 114–146; Ragin C. The comparative method: Moving beyond qualitative and quantitative strategies. Berkeley: University of California Press, 1987.

² Алексеева Т. Политическая философия. От концепций к теориям. М.: РОССПЭН, 2007

³ Buerklin W., Welzel Ch. Theoretische und methodische Grundlagen // Mols M. (Hrsg.) Politikwissenschaft: eine Einfuehrung. Zurich: Schoeningh, 1996.

⁴ Dilthey W. Gesammelte Schriften. Bd. V. Berlin u.a., 1924. S. 139–240, цит. по: Mols M. (Hrsg.) Politikwissenschaft: eine Einfuehrung. Zurich: Schoeningh, 1996. S. 355.

⁵ Соловьев А. Политология: Политическая теория, политические технологии. М.: Аспект пресс, 2001. С. 31–50.

хевиористские (бихевиориальные), системно-теоретические и политэкономические¹; или же институциональный, бихевиористский (бихевиориальный), структурно-функциональный, теория рационального выбора, дискурсивный подход²; подробный анализ дискуссий на эту тему не входит в задачу автора в этой статье. Стоит лишь отметить, что все авторы подчеркивают появление новых подходов, представляющих собой синтез исследовательских методов и техник, при этом одни тяготеют к изучению локальных ситуаций, другие — к концептуальному изучению политики³.

Качественные методы шире распространены в политологии и применяются в рамках большего числа подходов. Но граница между количественными и качественными методами не такая жесткая: номинальные, фиксирующие наличие или отсутствие какого-то качества, порядковые и метрические понятия, или шкалы могут конструироваться исследователями. Поэтому и сама техника исследования, сбора информации может тоже варьироваться.

Но независимо от методов и парадигм наше исследование должно быть научным, должно соответствовать принципам эксплицитности, системности и контролируемости⁴. Для этого мы должны иметь достаточный объем информации, которой мы можем доверять или (хотя бы) иметь надежные критерии, позволяющие отличать правдивую информацию от целенаправленной или стихийно дезинформации. Именно здесь «собака зарыта».

Мы можем сколько угодно изучать российские политические институты на основе норм законодательства, но, к сожалению, не выйдем за рамки нормативно-правового анализа, т. к. результаты далеко не всегда будут иметь отношение к политической практике, механизму принятия политических решений и их последствиям.

В условиях закрытого общества — доминирования неформальных политических практик, отсутствия гражданского контроля за работой органов власти, минимизации вертикального и горизонтального разделения властей, подконтрольности средств массовой информации, осуществления управления в «ручном» режиме — политология рискует превратиться (на выбор) в апологетику действий властей и существующего режима, вариант научного коммунизма, или же апологетику с обратным знаком, оправдывающую любые стратегии подрывающие режим.

При этом возрастает риск использования недостоверной информации и, следовательно, неверных выводов. Последнее касается не только материалов СМИ, но и, например, электоральных предпочтений и политических ориентаций избирателей при анализе результатов выборов, которые проходили с массированным применением административного ресурса, кампаниями «черного пиара». Применение каждого из (наиболее распространенных) методов сбора информации о политической сфере ставит нас перед целым рядом методологических и методических проблем. Рассмотрим некоторые из них.

Исследование политических институтов сталкивается с закрытостью процессов принятия решений, а иногда даже с закрытостью структур и функций их составных частей. Особенно это касается Администрации президента и правительства, региональных администрациях, не в меньшей степени это касается и политических партий. Информация, которую мы получаем из открытых источников о принятии решений, часто носит анонимный характер (из «источника», как будто бы речь идет об операции спецслужб, а вся информация о деятельности органов власти является «оперативной»). Другой распространенный вариант — спекуляции, своего рода гадание на кофейной гуще об отношениях между «башнями Кремля»⁵. Это же касается и действий отдельных акторов.

Кроме того, информационное поле, с которым вынужден работать исследователь, неоднородно, и содержит, помимо (неполной) информации сознательно распространяемую дезинформацию, особенно через Интернет и в максимальной степени — через блогосферу. Верификация

¹ См., например: Веуме von K. Die politischen Theorien der Gegenwart. Muenchen 1992.

² См.: Политический процесс: основные аспекты и способы анализа / Под ред. Е.Мелешкиной М: Весь мир. 2001. С. 20–47.

³ См, например: Соловьев А. Политология. С. 28–29; Politikwissenschaft: eine Einfuehrung. S. 376–377.

⁴ Мангейм Д.Б., Ричард К.Р. Политология. Методы исследования. М.: Весь мир. 1997. С. 23.

⁵ Собственно этим, в основном, и занимаются наши «публичные политологи, см., например аналитические статьи Центра политических технологий.

информации при этом возможна только постфактум (в связи со свершившимся или не свершившимся событием), или подтверждением или опровержением ее достоверности участником события. Но даже и в этом случае для стороннего наблюдателя ситуация может быть совершенно не ясной, как показывает, например, история с несанкционированным пикетом «ЯБЛОКА» против роста тарифов естественных монополий, который представители УВД объявили «несостоявшимся». Информация диаметрально противоположного содержания присутствует в информационном поле¹.

Попробуем проанализировать, какие ограничения имеют наиболее распространенные методы сбора информации, если их применять сегодня для сбора информации о современном российском политическом процессе.

Наблюдение, особенно, неструктурированное — универсальный метод общественных наук. Его основной недостаток — высокий уровень субъективизма. К тому же применимость его в отношении российской действительности весьма ограничена. Наблюдать за ходом принятия решений в законодательной и исполнительной власти весьма затруднительно, нужны специальные пропуска, разрешения, или же необходимо быть, например, помощником депутата, советником министра. В двух последних случаях наблюдения превращаются во включенные и уровень объективности их снижается. Кроме того, официальные заседания Госдумы, Совета Федерации или правительства — лишь вершина айсберга, практически формализующая решения, которые были приняты в другое время и в другом месте. Это же отчасти касается и судебных процессов. По наиболее громким процессам (дела «ученых-шпионов», часть процесса по делу ЮКОСА, процесс по делу Буданова и т.д.) судебные заседания «закрываются» судьями.

Наблюдение за жизнью политических партий имеют те же, а зачастую даже большие ограничения. Наблюдение такого рода можно проводить только на съездах и больших открытых заседаниях, но и там проговариваются уже в значительной части «решенные» вопросы; в случае конфликтов вся реальная политическая борьба и лоббирование проходит в кулуарах, в результатах голосования видны только результаты, персональной или за определенный курс, политической борьбы.

Еще сложнее наблюдение на массовых и (или) протестных акциях. Если это несанкционированная акция, наблюдатель может попасть туда лишь будучи «вхожим» в узкий круг организаторов, тем самым наблюдение опять превращается во включенное и «фокус» исследования смещается. Если же это массовая акция, в поле зрения его оказывается лишь ограниченный круг людей. Конечно, можно задействовать группу наблюдателей, но динамика таких событий очень велика, и можно зафиксировать только самые грубые и отчетливые формы: символику, содержание плакатов, действия милиции. А в режиме реального времени понять, являются ли участники «Марша несогласных», спровоцировавшие столкновения с ОМОНОм, неуравновешенными активистами или провокаторами, наблюдателю почти невозможно.

Анализ документов от дискурсивного анализа до контент-анализа сложен в силу сложности отбора сопоставимых единиц анализа (см. выше) и оценки достоверности. В лучшем случае мы, тщательно осуществляя отбор анализируемого материала, сможем сделать выводы, касающиеся самих текстов, но не реальности, которую они отражают (или не отражают). Очевидно, что делать вывод об «оттепели» или «разморозке» на основе употребления либеральной риторики президентом Д. Медведевым на фоне риторики В. Путина, мягко говоря, преждевременно². Еще большую методическую проблему представляет собой работа с информацией, содержащейся в блогосфере: помимо достоверности самой информации, мы не можем определить и то, кто является участником обсуждения, т.к., имя, как правило, скрывается под «ником». Например, мы не можем мы установить с достоверностью относится и он (она), например, к группе «монархистов», т.к. в дискуссию может вступить и сторонник, например, НБП. А с группой «молодых либералов» может под «ником» общаться коммунист-пензионер.

¹ ГУВД Москвы опровергает информацию о задержании членов "Яблока" \\ <http://finam.fm/news/21845/> ГУВД отрицает проведение пикета у Газпрома. Фотографии с пикета. // <http://www.mosyabloko.ru/archives/2804>

² См., например, Петрова Е. Весна как предчувствие // ИТОГИ. <http://www.itogi.ru/russia/2009/18/139601.html>; Барабанов И., Докучаев Д. Президентская капля // Новое время. 20.04.2009.

Неменьшую проблему представляет собой статистический анализ и все виды математического анализа, если мы не уверены в достоверности «исходника». Это относится не только к результатам избирательных кампаний и протоколам комиссий разного уровня, зачастую «подгоняющимся» под необходимый результат¹, но и к официальным документам, например, о распределении финансовых ресурсов, о реализации национальных проектов, числе безработных в регионе и т.д. Нередко цифры, подготовленные или представляемые различными органами управления (и даже – министрами) существенно различаются между собой. Здесь остается надеяться на интуицию исследователя, либо максимально сужать тему, либо максимально расширять круг используемых источников и стараться их верифицировать.

Опросы, как массовые, так и качественные — свободные и фокусированные интервью, в нынешних условиях ставят ряд методологических и методических проблем.

Во-первых, это проблема соответствия языка политической элиты и респондентов, когда даже о ключевых терминах среди представителей самой политической элиты нет согласия. Взять хотя бы «суверенную демократию» или «энергетическую сверхдержаву». Позитивно «нагруженные» для В. Суркова и «Единой России», эти понятия подвергаются критике даже из близкого к президенту Д. Медведеву ИНСОРа².

Какой смысл спрашивать у респондентов, к кому они себя относят — либералам, демократам или государственным³, — если, во-первых, даже исследователи спорят о границах этих понятий, во-вторых, разрыв между декларируемыми в Конституции «демократическими ценностями» и политической реальностью все больше увеличивается, и, наконец, в третьих, для значительной части населения «демократия» ассоциируется с криминальной приватизацией 1990-ых годов. Разорванное, противоречивое сознание граждан соединяет, казалось бы, несоединимые элементы: недоверие ко всем политическим институтам, но персональный пиетет перед президентом и премьер-министром; недовольство ситуацией с отсутствующей готовностью отстаивать свои права, убежденность в замечательных человеческих качествах «русского народа» с отсутствием доверия ко всем, кто не входит в близкий круг семьи, знакомых, клана⁴.

Несколько утрируя, можно сказать, что исследователи не знают, о чем они спрашивают, респонденты не знают, что они отвечают, и результат интерпретации становится уже совершенно непонятным. Главной методической задачей при этом, с которой, достаточно успешно справляется ряд социологических центров, — тщательная разработка индикаторов с учетом тезауруса респондента, связанных с его личным (и его окружения) опытом.

Что касается интервью, а именно качественные методы считаются большинством исследователей наиболее адекватными для политически не устоявшейся ситуации, оно значительно чаще, чем массовые опросы используется исследователями. Но именно в этом случае уровень реактивности и свободы в интерпретации наиболее высоки. Поэтому возникает опасность снижения уровня научности, превращения исследования в «журналистское расследование». Существенную сложность представляет попадание в «зону компетентности» респондента и различение этой зоны от интерпретаций сведений, полученных от третьих лиц. Еще большее смещение дают фокус-группы на политические темы⁵. Глубинное обсуждение поставленных вопросов очень сильно зависит от психологических факторов, активности стихийно выделившегося в группе лидера, поскольку участники, имеющие альтернативные точки зрения, особенно, по острым политическим вопросам предпочитают или подчиниться доминирующей позиции, или отмолчать. Многие зависят и от механизма рекрутинга. Представляется, что этот метод может применяться только для пилотного или дополнительного исследования, но не для основного.

¹ В ходе всех избирательных кампаний, начиная с 1993 года, сообщается о случаях «подгонки» и фальсификации протоколов комиссий разного уровня. С наиболее яркими случаями можно познакомиться на сайте организации «Голос», специализирующейся на контроле за выборами: <http://www.golos.org>.

² Демократия: развитие российской модели / Под ред. И. Юргенса. М.: Экон-информ. 2008.

³ Как это, например, регулярно делал ФОМ.

⁴ См. ряд исследований, представленных Центром Левады в 2008 -2010гг.

⁵ Автор выступала заказчиком исследовательской группой, проводившей серию фокус-групп перед рядом выборов, в том числе в Московскую городскую Думу в 2005 году.

Еще одна проблема опросов на политические темы в условиях ужесточения режима — готовность правдиво отвечать на прямые вопросы, связанные с отношением к властям, готовности к протестам, участия в оппозиционных группах, особенно это касается интервью и фокус-групп, где анонимность почти невозможна. Трудно представить, что в условиях, когда людей принуждают голосовать за правящую партию, грозя увольнением и неприятностями по службе, они иначе будут вести себя в условиях опроса.

В целом, в современных условиях методически выверенное исследование, особенно с применением количественных методов, соответствующее требованиям эксплицитности, системности и контролируемости представляется почти невозможным.

Методологические подходы к интерпретации понятия «социокультурное»

Темницкий Александр Лазаревич,
МГИМО (У) МИД РФ

Понятие «социокультурное» в его различных вариациях: социокультурные процессы, факторы, явления и т.п. уже более 20 лет является одним из наиболее популярных у отечественных социологов. Его массовое применение находит в заглавиях статей¹, монографий и диссертаций. Однако широкое использование в социологических работах постсоветского периода различных модификаций данного понятия, как правило, не сопровождается интерпретацией смысла социокультурного, попытками операционализации. Напротив, складывается впечатление, что выбор понятия «социокультурное» в качестве ключевого по раскрываемой теме рассматривается авторами как удобный способ ухода от необходимости проводить расчленение между социальным и культурным, как предопределяющее указание читателям на укорененность, неизменчивость и фундаментальность того или иного социального явления или процесса, обусловленного ментальностью, культурными традициями. В такой логике понятие «социокультурное» теряет свой исследовательский потенциал, превращается в общее место.

Соглашаясь с общим базовым положением, исходящим от П. Сорокина, что обращение к понятию социокультурного должно исходить из паритетности культуры и социальности, их несводимости и невыводимости друг из друга или из иных параметров², представляется актуальным разбор тех сложившихся в истории научной мысли, подходов, в которых социальное и культурное последовательно выделяются, соотносятся друг с другом как взаимодополняющие, противостоящие либо вытесняющие во взаимодействии категории.

В любом случае применительно к человеческому обществу нельзя изолированно рассматривать культуру, исключая роль социального, точно также как и социальное вне взаимосвязи с культурным. Под «социальным» в этой связи следует понимать все те виды отношений между индивидами и группами людей, которые создают и воспроизводят рамочные условия повседневной жизнедеятельности, их границу и структуру в целом. «Культурное» в этом аспекте — это все те способы реализации субъективных представлений, мыслей, взглядов, убеждений, способностей, интенций индивидов, которые могут как органично дополнять социальное, образуя социокультурные феномены, так и противоречить ему, формируя тем самым социокультурные противоречия.

1. Социальное и культурное как системно уравновешивающие друг друга компоненты

Классический вклад в развертывание социокультурного подхода на основе парадигмы структурного функционализма внес Т. Парсонс. Он не только не отрицает различия между культурой и социальной системой, но указывает, что это стало уже общим местом. По его мнению, это различные системы, при помощи которых абстрагируются или отбираются аналитически отличные ряды компонентов из одних и тех же конкретных явлений. Ни одна из этих систем не может быть полностью переведена на язык другой, т.е. порядок отношений внутри одной не зависит от порядка отношений в другой. Очень важно, что различие между культурой и социаль-

¹ Так, только в журнале «Социологические исследования» за период с 1994 по 2010 гг. было опубликовано 25 статей, в названии которых фигурировал термин «социокультурное».

² Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Республика, 1992. С. 219.

ной системой является по Т. Парсонсу, прежде всего аналитическим приемом, постоянно действующим методологическим принципом, который намного важнее, чем предубеждения, заключенные в вопросах о том, что более важно, правильно и фундаментально¹. Стремясь уточнить эти различия, Т. Парсонс подчеркивает, что фокус социальной системы — это условие взаимодействия человеческих существ, которые составляют конкретные коллективы с определенным членством, а фокус культурной системы, напротив, заключается в смысловых моделях, моделях ценностей, норм, организованного знания и верований, экспрессивных форм². Однако Т. Парсонс исключает возможность конструктивных противоречий между социальным и культурным, подчеркивая, что система остается жизнеспособной пока между ними сохраняются отношения взаимодействия, а не противоборства. Пагубной для жизнеспособности социальной системы Т. Парсонс считает и радикальную смену ценностей, которая приводит общество к глубокому кризису, т.к. она предполагает его повсеместное переструктурирование³.

Идеи Т. Парсонса можно рассматривать как конструктивные потому, что социальное и культурное достаточно четко различаются и неконструктивными применительно к исследованиям трансформирующихся обществ, где не только допускается, но и выявляется потенциал возможных противоречий между социальным и культурным.

2. Социальное и культурное как дуальные оппозиции (А. Ахиезер)

Противоречивость социокультурных процессов А.С. Ахиезер считает их фундаментальной атрибутивной характеристикой. В обществе постоянно возникают противоречия между социальными отношениями и культурой, т.е. социокультурные противоречия. Их источниками становятся культурные программы, которые смещают воспроизводственную деятельность таким образом, что в результате разрушаются, становятся нефункциональными жизненно важные социальные отношения⁴. Именно культуре, а не социальным отношениям автор придает большие возможности для свободного выхода за собственные рамки. Культура рассматривается как сфера творчества и фантазии, а социальные отношения всегда должны оставаться функциональными уже в силу самой своей воплощенности в массовый воспроизводственный процесс⁵. Социокультурное как фундаментальное понятие всегда предполагает и напряжение и соотносимость «социального» и «культурного». При этом речь идет не о дуализме ее важнейших составляющих, а, по крайней мере, об их дуальности. Оппозиция «социальное – культурное» является не только культурологической, но и социально-психологической категорией, отражающей амбивалентность полюсов оппозиции и вместе с тем их движение друг к другу, вектор направленности которого во многом зависит от складывающейся ценностной ориентации субъекта⁶.

Представляется, что социокультурные противоречия, которые можно обнаружить на любом уровне социальных взаимодействий (от индивидуальных до глобальных), не могут иметь полного разрешения. Противоречивое соединение культуры и социальных отношений в этом и не нуждается, потому как именно в реальных взаимодействиях культурных программ и их носителей (индивидов и групп) с постоянно воспроизводимыми рамками социальных отношений заключен источник постоянной активности социальных действий, в противном случае имело бы место стабильное, раз и навсегда упорядоченное общество.

Указанные два подхода являются *схожими* в том, что в обоих актуализируются различия между социальным и культурным, образующими единое «социокультурное» качество и *непохожими* по принципам их различения: (1) на основе конструктивного взаимодействия и (2) конструктивного противоборства. Объединяет обоих авторов то, что объектом их внимания является макроуровень социокультурного.

¹ Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический проект, 2002. С. 689–690.

² Парсонс Т. Указ. соч. С. 555.

³ Парсонс Т. Указ. соч. С. 734.

⁴ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т.1. От прошлого к будущему. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. С.56.

⁵ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т.2. Теория и методология. Словарь. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. С.22-23.

⁶ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т.1. С. 160–161.

Представляется, что в условиях трансформирующегося общества, в динамичных, бифуркационных и экстремальных средах возможно и необходимо изучение социокультурных процессов и явлений на микроуровне (на предприятии, в повседневной деятельности, в непосредственных взаимоотношениях). С учетом результатов эмпирического изучения социокультурных процессов на промышленных предприятиях и анализа публикаций по близкой тематике предполагается возможность выделения третьей интерпретации «социокультурного».

3. Социальное и культурное как диалектическое взаимодействие старого и нового

При таком подходе анализ взаимосвязи между проявлениями «культурного» и ограничениями, которые задает «социальное», позволяет увидеть, как старое сопротивляется новому, как новое вбирает или исключает старое, что рождается в результате стыковки старого и нового.

Определение того, что является «социальным», а что «культурным» зависит от ситуации, ее временной и пространственной локализации. Будем исходить из эмпирической предпосылки: то, что является наиболее распространенным, ставшим данностью для большинства (устойчивой практикой) и выполняющим воспроизводственные регулятивные функции, то и *социальное*. Напротив, то, что является редким качеством, противостоящим сложившимся практикам и представляющим для них угрозу либо согласующимся с общепринятыми практиками, подкрепляющим их, то и *культурное*. Применительно к наемным работникам большинства современных российских промышленных предприятий в качестве проявлений *культурного*, соотносимых с либеральными принципами моделей рыночного поведения, можно рассматривать ценности профессионализма, конкурентноспособности на рынке труда, партнерства в отношениях с руководством и стремление повышать интенсивность и качество труда. Тогда в качестве проявлений *социального* будут выступать противостоящие им в идеальной модели такие проявления, как: лояльность в отношениях с руководством, преданность предприятию, патерналистские отношения и практики использования имеющихся возможностей для сохранения достигнутого результата.

Можно утверждать, что использование диалектического подхода к интерпретации понятия «социокультурное» предполагает учет следующих положений:

- 1) социальное не может существовать без культурного, а культурное без социального;
- 2) социальное и культурное находятся в отношениях потенциальной противоречивости;
- 3) возможно лишь относительное доминирование социального над культурным и культурного над социальным, но не полное подавление одного другим;
- 4) возможно образование новых гибридных феноменов на основе противоречивого слияния социального и культурного;
- 5) возможна «оборачиваемость» социального в культурное и культурного в социальное.

Оценка включенности персонала в деятельность предприятия¹

Тукумцев Будимир Гвидонович
Социологический институт РАН, СПб.
Бочаров Владислав Юрьевич
Самарский государственный университет

По мере формирования постиндустриального уклада производства изменяются требования к работникам. Речь идет не столько об изменении уровня их профессионализма, сколько об их отношении к предприятию, на котором они трудятся. Это связано, прежде всего, с тем, что по мере изменения технического уклада производства и внедрения новых наукоемких технологий, наряду с позитивными результатами, происходит сокращение возможности внешнего, неразрушающего контроля над деятельностью непосредственного исполнителя. Брак в работе (отклонения от заданного алгоритма или откровенные упущения) может быть обнаружен лишь на заключительной фазе производства или даже только на стадии потребления произведенной про-

¹ Исследование ведется в рамках проекта 10-06-00033 «Методология и методы ситуационного анализа на предприятии», финансируемого РФФИ. Руководитель проекта — С.Г. Климова. Участники проекта: Н.В. Авдошина, В.Ю. Бочаров, И.А. Климов, М.А. Михеенкова, Б.Г. Тукумцев, В.К. Финн, В.А. Ядов.

дукции. Как следствие, предприятие оказывается заложником отношения исполнителей к своему месту работы, их заинтересованности в успехе всего производства в целом.

Сложившаяся ситуация получила в промышленно развитых странах название «кризис человеческой активности»¹. Преодоление безразличия к результатам выполняемой работы, поиск средств формирования ответственного отношения к труду стали рассматриваться в качестве важнейших задач развития предприятий. В промышленно развитых странах в последние десятилетия активно ведется поиск путей усиления заинтересованности работников в успехе предприятия, на котором они трудятся. Это качество работника получило разное наименование: преданность, идентификация, вовлеченность в деятельность предприятия². В отечественной социологии для характеристики такого поведения был предложен термин «включенность в организацию»³.

Под включенностью понимается принятие работником правил и норм, функционирующих на предприятии, согласие с целями его деятельности. Чем в большей степени человек воспринимает как значимые для него задачи и проблемы предприятия, на котором он трудится, тем выше его готовность и способность поддерживать и цели стоящие перед предприятием, на котором он работает⁴. Включенность стала играть важную роль в формировании его мотивации труда.

В НИИ «Социальные технологии» при Самарском государственном университете на протяжении длительного времени ведётся разработка и совершенствование методики оценки включенности работников в деятельность предприятия. Часть используемых методических приемов было заимствовано у зарубежных авторов. В то же время комплексный подход к итоговой оценке включенности работника в деятельность предприятия представляет собой определенную новизну. Создаваемые варианты методики на протяжении длительного времени (с 1998 г.) опробовались в рамках «Самарского мониторинга социально-трудовой сферы». Полученные оценки были встречены заказчиками с интересом, так как они давали возможность видеть по отдельным предприятиям и по региону в целом, как идёт сотрудничество менеджмента с персоналом, какова перспектива повышения качества труда и т.п. Оценка включенности выводится на основе данных представительного опроса.

В настоящей статье представлен последний вариант методики по оценке **включенности** работников в деятельность предприятия, состоящий из двух блоков:

1) **приверженность** работе на предприятии:

а) наличие или отсутствие желания у работников покинуть в ближайшем будущем свои рабочие места на предприятии;

б) готовность работников рекомендовать предприятие как место работы своим близким и друзьям;

2) **вовлеченность** в решение важнейших задач предприятия:

в) степени информированность работников о целях деятельности своего предприятия;

г) степень поддержки работниками этих целей;

д) готовность работников проявить инициативу, направленную на решение проблем и задач, которые стоят перед предприятием.

Определение степени приверженности респондентов работе на предприятии

Оценка приверженности респондента работе на предприятии складывается из двух компонентов: намерения не покидать предприятие и готовности рекомендовать трудоустройство на

¹ См.: Бочаров В.Ю., Тукумцев Б.Г. Кризис трудовой активности // Социология труда. Теоретико-прикладной толковый словарь. СПб.: Наука, 2006. С. 124–125.

² См.: Ньустром Д.В., Девис К. Организационное поведение. СПб., 2000; Майтленд Р. Преданность работников в Европе: характеристики, причины, последствия // Персонал Микс. 2003. № 4; Рольф ван Дик. Преданность и идентификация с организацией / Пер. с нем. Харьков: Гуманитарный Центр, 2006; Великобритания: вовлеченность работников // Справочник по управлению персоналом. 2010. № 3. С. 118–123.

³ Лапин Н.И., Коржева Э.М., Наумова Н.Ф. Теория и практика социального планирования. М.: Политиздат, 1975.

⁴ Тукумцев Б.Г. Включенность в организацию // Социология труда. Теоретико-прикладной толковый словарь. СПб.: Наука, 2006. С. 31–32; Тукумцев Б.Г. Оценка включенности в организацию персонала промышленных предприятий // Контексты социального знания. Самара: Универс-групп, 2005. С. 250–260.

этом предприятии своим друзьям и близким. Имеется в виду, что таким образом проверяется не просто отсутствие у респондента желания покинуть предприятие, но, прежде всего, наличие серьезных аргументов, чтобы остаться.

Первый компонент оценивается с помощью двух вопросов. Первый вопрос выясняет наличие у респондента намерения сменить место работы: «*Хотели бы Вы сменить место работы?*» с вариантами ответов: «1. Да, хотел/а бы; 2. Нет, не хотел/а бы; 3. Затрудняюсь ответить».

Не все респонденты, желающие сменить рабочее место, намерены покинуть предприятие. Какая-то часть из них может желать, например, сменить характер, условия труда, перейти на рабочее место с более высокой квалификацией в пределах своего предприятия. Чтобы определить долю таких респондентов, в опросный лист, или путеводитель интервью включается второй, уточняющий вопрос: «*Предполагаете ли Вы при этом сменить предприятие или ...*» с вариантами ответов: «1. Сменить рабочее место (цех, отдел) внутри предприятия; 2. Сменить предприятие или место жительства (переехать в другой населенный пункт); 3. Еще не решил/а, куда уйти».

Полученные данные позволяют определить долю тех, кто по каким-либо причинам неудовлетворен работой на своем предприятии и намерен его покинуть. Готовность к увольнению по собственному желанию принято называть потенциальной текучестью. Тех, кто дает ответ «Еще не решил/а, куда перейти», обычно относят к той же категории. Нелогично человека, который не уверен, продолжит ли он работу на предприятии или уволится, относить к числу стабильных работников. Негативный характер потенциальной текучести заключается в том, что человек решивший покинуть предприятие, теряет в той или иной степени интерес к своей нынешней работе и не связывает с ней свое будущее. Он/а не только является пассивным исполнителем, но становится источником аргументов в пользу негативного отношения к предприятию у работающих рядом коллег и товарищей.

Та часть респондентов, которая отметила свое желание сменить место работы, но внутри предприятия, не относится, естественно, к текучести и может быть суммирована с теми, кто не намерен покидать предприятие. Именно эта величина и характеризует первый компонент приверженности работе на предприятии.

Второй компонент приверженности — готовность рекомендовать своим знакомым и близким людям трудоустройство на предприятии. Ответы на вопрос «*Если бы друзья или знакомые обратились к Вам за советом по трудоустройству, Вы порекомендовали бы им устроиться на работу на ваше предприятие?*» предусмотрены следующие: «1. Да, порекомендовал/а бы; 2. Нет, не порекомендовал/а бы; 3. Трудно сказать».

Предполагается, что респондент станет рекомендовать трудоустройство на предприятии своим родным и близким только в том случае, если он/а считает, что условия работы на нем соответствуют общепринятым нормам. Иначе ему будет стыдно перед ними за свою рекомендацию. Доля работников, ответивших положительно на поставленный вопрос, учитывается при расчете уровня приверженности работе на предприятии, но, в то же время, ее можно интерпретировать и как личностную оценку социальной ситуации на предприятии. Эта группа обычно обозначается в исследованиях как «довольные» своим местом работы.

На завершающем этапе по комбинации ответов на все три вопроса работники группируются по степени приверженности работе на предприятии:

1. Привержены работе на предприятии;
2. Неопределенное, противоречивое отношение к работе на предприятии;
3. Не привержены работе на предприятии.

Алгоритм группировки представлен в табл. 1.

В зависимости от задач исследования по степени приверженности предприятию можно характеризовать отдельные подразделения (табл. 2), а также категории работников, выделяемых по полу, возрасту, стажу работы и др. В итоге мы получаем представление о том, как работники воспринимают предприятие, на котором работают, в какой степени оно их устраивает в качестве нынешнего места работы.

Таблица 1

Таблица оценки степени приверженности респондента работе на предприятии

№ № вопросов и их краткое содержание			Степень приверженности респондента работе на предприятии
Вопрос 1: желание сменить работу	Вопрос 2: направление пере- хода при желании смены работы	Вопрос 3: готовность рекомендовать близким свое предприятие для трудоустройства	
<i>Варианты ответа</i>	<i>Варианты ответа</i>	<i>Варианты ответа</i>	
1	2 или 3	–	1
1	1	1	3
1	1	2–3	2
2	–	2–3	2
2	–	1	3
3	–	–	1

Примечание 1. Знак прочерк (–) означает, что данный вопрос не учитывается при оценке.

Таблица 2

«Приверженность» респондентов работе на предприятии

Степень приверженности работе на предприятии	По подразделениям предприятия						В целом	
	Подразделение А		Подразделение Б		Подразделение С			
	n	%	n	%	n	%	N	%
1. Привержены работе на предприятии								
2. Неопределенное, противоречивое отношение к работе на предприятии								
3. Не привержены работе на предприятии								
Итого		100,0		100,0		100,0		100,0

Определение уровня вовлеченности в решение актуальных задач предприятия

Вовлеченность в деятельность предприятия — вторая важнейшая часть комплексной характеристики работника, которую мы называем включенность в деятельность предприятия. «Вовлеченность» означает, что работник воспринимает цели и задачи предприятия, как значимые для него лично. Он заинтересован, чтобы дела на предприятии шли хорошо, это гарантирует ему отсутствие простоев, увольнений. Он готов приложить к этому свои личные усилия, даже если это и не сулит ему материальной выгоды.

Вовлеченность работников в процесс решения актуальных задач предприятия оценивается по трем индикаторам: (1) информированность о конкретных задачах предприятия на ближайшее будущее; (2) личностная значимость того, будут решены эти задачи или нет; (3) готовность проявить инициативу и способствовать успешному их решению.

Общая информированность работников о задачах предприятия оценивается по ответам на вопрос «Известно ли Вам, какие основные задачи должно решить Ваше предприятие в ближайшее время, чтобы обеспечит свою успешную работу?» с альтернативой «1. Да, известно; 2. Нет, не известно».

Информированность работника о планах, задачах и проблемах предприятия играет немаловажную роль в формировании его вовлеченности в производственную деятельность. Опыт исследований показывает, что низкий уровень информированности работников становится первым препятствием на пути становления его позитивного отношения к целям предприятия. Обнаруживаются факты, когда перспектива работы предприятия не только не доводится до сведения персонала, но скрывается от него. Обращает на себя внимание более низкая информированность о важнейших задачах работников малоквалифицированного труда, а также молодых

работников. Это, кстати, говорит о целесообразности анализа распределений ответов на приведенный выше вопрос не только по структурным подразделениям предприятия, но и по возрастным и квалификационным группам.

Второй индикатор вовлеченности работника — оценка значимости для него лично успешного решения задач, которые ставит перед собой предприятие. Соответствующий вопрос задается только тем работникам, которые отнесли себя к информированным: «Если Вам известны эти задачи, то имеет ли для Вас какое-то значение, будут решены эти задачи или нет?» с вариантами ответов «1. Да, имеет значение; 2. Мне это безразлично; 3. Трудно сказать».

Этот вопрос может быть использован не только для определения второго индикатора вовлеченности в деятельность предприятия. Анализируя распределение ответов в структурных подразделениях предприятия, исследователь, с одной стороны, получает представление о настроении работающих и их отношении к деятельности предприятия. С другой стороны он может использовать эти данные для выяснения степени личной озабоченности руководителей созданием активной поддержки персоналом решения значимых для предприятия задач. Ведь интерес к положению дел на предприятии появляется не тогда, когда работника просто знакомят с проблемами его предприятия, а когда руководители в разговорах с персоналом демонстрируют свое видение путей решения этих проблем и являют собой пример заинтересованности в их решении. Не меньшее значение имеет определение того, в каких социальных группах интерес к положению дел на предприятии сведен к минимуму, а где он, наоборот, высок.

В качестве третьего индикатора вовлеченности респондентов в решение актуальных задач предприятия рассматривается готовность работника проявить инициативу по содействию в этом администрации предприятия. Информацией для этого служит вопрос о готовности респондента бескорыстно проявить личную инициативу, направленную на решение этих задач: «Готовы ли Вы проявить инициативу, направленную на решение этих задач?» (1. Не стал бы проявлять инициативу – мое дело маленькое, пусть у начальства голова болит; 2. Бесплатно не буду, а если заплатят, то мог/ла бы предложить или сделать что-нибудь полезное; 3. Да, я готов/а проявить такую инициативу, даже если мне это не выгодно. Для меня важно, чтобы у предприятия дела шли лучше). Все три индикатора сводятся к общей оценке вовлеченности в решение важнейших задач предприятия (табл. 3).

Таблица 3

Оценка степени вовлеченности в деятельность предприятием его персонала

Вопрос 3: информированность о важнейших задачах пред- приятия	Вопрос 4: поддержка важней- ших задач предпри- ятии	Вопрос 5: готовность проявить ини- циативу для решения важ- нейших задач предприятия	Группы по степени вовле- ченности
Варианты ответа	Варианты ответа	Варианты ответа	
1	1	3	3
1	—*	1 или 2	1
1	2 или 3	3	2
2	—	—	1

* Знак прочерк (—) означает, что данный вопрос не учитывается при оценке.

Таким образом, выделяются следующие группы:

Группа 1 – работники, у которых признаки вовлеченности не обнаружены.

Группа 2 – работники, у которых фиксируется неопределенная, противоречивая ситуация, отмечаются лишь некоторые признаки вовлеченности.

Группа 3 – работники высокой степени вовлеченности.

Такая группировка также позволяет рассчитать уровень вовлеченности по отдельным подразделениям и различным категориям работников.

Определение доли работников включенных в деятельность своего предприятия

В соответствии с предложенной методикой группировка респондентов по степени их включенности в организацию (табл. 4) выглядит следующим образом:

Группа 1 – включенность в деятельность предприятия отсутствует.

Группа 2 – частичная включенность (противоречивая ситуация).

Группа 3 – включенность в деятельность предприятия.

Таблица 4

Схема группировки работников по степени включенности в деятельность предприятия

Индикаторы включенности		Группа по уровню включенности в деятельность предприятия
Группа по уровню приверженности работе на предприятии	Группа по уровню вовлеченности в решение актуальных задач предприятием	
1	1, 2	1
1	3	2
2	1	1
2	2	2
2	3	2
3	1	2
3	2	2
3	3	3

В заключении заметим, что исследователь не должен ставить под сомнение правильность выполненных операций, если выясняется, что доля работников включенных в деятельность предприятия весьма мала. К сожалению, это может соответствовать действительности. Безразличие персонала к деятельности своего предприятия представляет собой в настоящее время одну из самых серьезных социальных проблем промышленного производства в современной России. Оно является следствием многих причин в работе отечественного производства: незаинтересованности руководства предприятий в модернизации собственного производства, неумения эффективно сотрудничать с персоналом, сохраняя устаревшие методы стимулирования.

Руководители российских предприятий по-прежнему верят лишь во всемогущество материального стимула. Было бы нелогично возражать против повышения уровня оплаты труда работникам производства, но этого уже давно недостаточно. Лишь сочетание социальной и материальной мотивации труда может в современных условиях обеспечить высокую культуру производства, решить проблему конкурентоспособности предприятий на внутреннем и внешнем рынках. Работник, заинтересованный в успехе предприятия, включенный в его деятельность не позволит себе нарушать требования технологического процесса и сдавать продукцию, не отвечающую стандартам качества.

Обосновывая необходимость социальных реформ в управлении персоналом и трудовыми отношениями, социологи-исследователи подают сигнал и структурам власти. Трудовое законодательство требует серьезных изменений. Оно должно быть ориентировано на развитие реального сотрудничества работодателей с работниками наемного труда. Сегодняшнее отношение персонала к месту своей работы оставляет желать лучшего. Вот как выглядит динамика включенности работников в деятельность 16 производственных предприятий Самарского региона, полученные исследователями НИИ «Социальные технологии».

Таблица 5

Динамика включенности в деятельность
16 производственных предприятий Самарского региона

Годы	Приверженность	Вовлеченность	Включенность
2006	41,1	20,0	13,9
2007	33,5	16,8	10,0
2008	24,7	16,0	5,3

Не будем удивляться малым долям работников, включенных в деятельность своих предприятий. Замеры сделаны в начале кризиса. Будем надеяться на лучшее будущее.